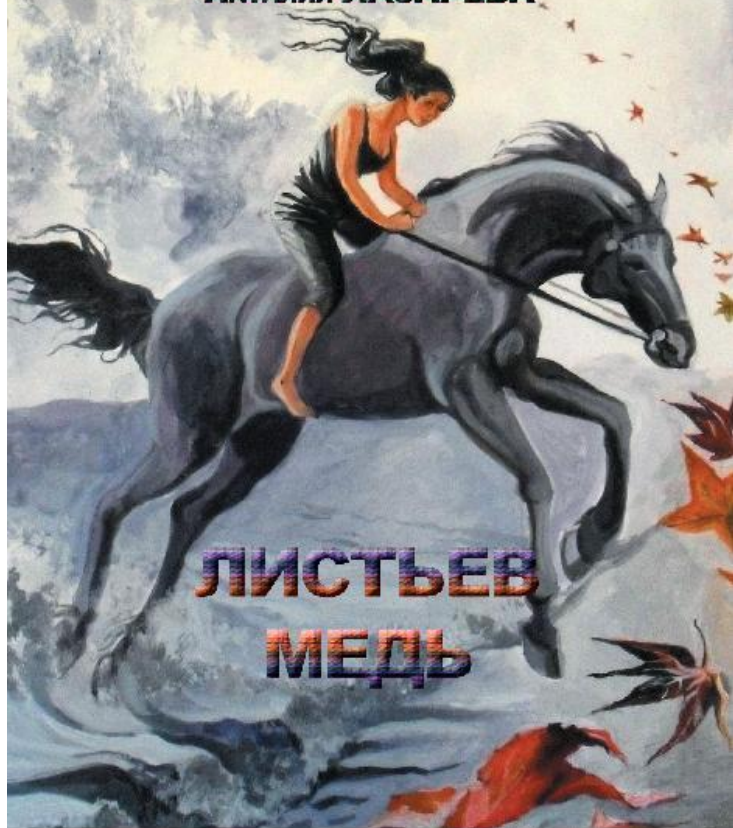

НАТАЛИЯ ЛАЗАРЕВА

**ЛИСТЬЕВ
МЕДЬ**

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Наталия Лазарева

Листьев медь (сборник)

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3835535

Аннотация

В «научных романах» (scientific novels) Наталии Лазаревой фантастические события врываются в обычную, казалось бы, жизнь. Привычную вычислительную технику неожиданно заменяют таинственные корпы, работающие на лигокристаллах, происхождение которых покрыто тайной («Листьев медь»). Пытаясь раскрыть сложный код, запятанный в старинных документах, инженеры натыкаются на признаки присутствия иной цивилизации... У двух студентов лиготехникума начинают бесследно исчезать их сверстники («В пределах стремиться»), а потом и они сами оказываются в странном и страшном мире гранников, подобном дантову «Аду». Сообразительность, знания и верность помогают друзьям вернуться домой. Но туда ли они вернулись, откуда ушли?.. Оба произведения входят в цикл Наталии Лазаревой «Повести временных поверхностей».

Содержание

Листьев медь	5
1	5
2	9
3	12
4	13
5	18
6	20
7	23
8	28
9	33
10	36
11	41
12	46
13	54
14	57
15	61
16	63
17	67
18	72
19	77
20	84
21	90
22	96

23	100
24	109
25	111
26	113
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Наталия Лазарева

Листьев медь

Листьев медь

1

Имитация

Пеструха подбежал к перилам балкона и начал командовать, водя сухой кистью то вверх, то вниз. Тонкие седые волосы, окружающие его лысину, слегка шевелились в нарастающих потоках воздуха, согласные буквы застревали на подходе к языку, и он помогал им то движениями морщинистой шеи, то выталкивал буквы подергиванием носа и неожиданно сильными просторными взмахами головы. Коллега и главный помощник академика Пеструхи Женя Патокин, словно небольшой надежный холм прикрывал его с тыла. Начальники комплексов, сгрудившись у стены, молча ждали.

Глубоко внизу, на дне испытательной башни, с конструкций стянули брезент, и обнажилось зажатое трубопроводами

овальное, суженное книзу сердце изделия, укрепленное на телескопической платформе.

– П-п-пятая фа-а-за! – негромко сказал Пеструха – и снизу доверху многие голоса повторили, в отличие от эха, добавляя необходимые уточнения: пятая фаза – идем на местном тепле, пятая фаза – нагрузка от комплекса энергетиков, пятая фаза – подключаемся к дяде Ване – и так далее, до самого дна, откуда пошло тихое жужжание, и изделие начало слегка приподниматься на платформе, постепенно расправляя обрамление, собранное из изогнутых опор.

Изделие шло на местной энергетике до трети высоты испытательной башни. Затем Пеструха обернулся к коллеге, тот спокойно направился к лифту и поманил за собой начальника отдела имитации Леонида Анпилогова – Леника. Когда за ними захлопнулась грохочущая решетка, взвыла сирена.

Женя и Анпилогов вышли на одном из срединных этажей. За бронированными дверьми начинался энергетический обод начального уровня, который соединялся с основным пространством башни теми самыми металлическими за-слонками. Женя Патокин подвел Леонида Анпилогова к пульту и указал на систему выкрашенных блеклой масляной краской трубок и тороидальных емкостей, укрепленных на тяжелой тележке, с которой сочились на бетонный, покрытый изоляционной мастикой пол струи кабелей и текли затем от этого места вправо и влево по окружности башни.

– На той стороне, по диаметру, расположен дубль установки. Сейчас я... или лучше вы – опустите вот этот тумблер, и изделие получит еще... пожрать. Ну, жмите, Леонид Михалыч!

Вид у Жени Патокина при этом был такой, будто он заведомо хочет надуть Анпилогова – так он сжал мелкие крепкие зубы, так расцвел в краснотупой улыбке, открывшейся среди золотых волос бородки и мягких зарослей усов – что Леник вообще не захотел связываться с сотрудником Пеструхи.

– Жмите сами, – повел он плечами, – это же не моя диссертация, в конце концов. Отделу за этот пробный пуск – одни подзатыльники.

– Да, Леонид Михалыч, задача у вас – не из легких. При нашем-то энергетическом кризисе, – Женя изобразил шепот, но очень громкий шепот. – Нефть-то, говорят, повыкачали! Вот вам и твердят: беззатратная технология, постный огонь! Хотел бы я знать... как вы его найдете, этот постный огонь.

– Да крутите свой ветхозаветный тумблер. Люди же в напряжении, – недовольно буркнул Леник.

– Не беспокойтесь, я чувствую контрольное время. Эксперимент пошел.

На смотровых экранах было видно, как отодвинулись оплавленные заслонки, как вышли из них многочисленные, изогнутые под разными углами сопла огневых устройств, и как начало подниматься к ним уже совершенно самостоя-

тельно, медленно левитируя, раскаленное до красноты изделие, постепенно сбрасывающее хищные лианы трубопроводов.

Барокамера

– Ну, вам времени, что ль, не было, чтоб валандаться с этим кабелем. Испоганили всю видимость...

Парни с ломиками и новыми, хорошо отточенными и поблескивающими лопатами аккуратно вынимали песчаный грунт из отмеренного бечевой участка – готовили траншею под оптоволокно. Рабочие были серьезны, независимы и не обращали ни малейшего внимания на хозяина.

Владелец Бака – Леонид Анпилогов, мерз в плетеном кресле на открытой веранде, а его гости бродили мимо него, таскали чашки с кофе и опускали надломленные сигареты в заботливо подобранные под окружающие цвета пепельницы.

– Траншею они, траншею именно сегодня...

Но Анпилогов прекрасно знал, что команду кабелепрокладчиков удалось вызвать только на эти числа, и все шло по графику, но траншея, которую, пожалуй, никто из гостей и не замечал, злила Анпилогова.

Она томно и медно оранжевела среди деловито натянутой бечевы и нагло разрывала с трудом выращенный на этом песчаном бережку газон, уже усыпанный приглушенно желтыми, поклеванными красным, ладонями окрестных кленов,

но продолжавший, впрочем, зеленеть столь же ядовито, как и ранним летом.

Анпилогов с неохотой оторвал взгляд от рыжей раны на газоне, пощелкал своими небольшими, пронзительно черными глазками по ярко белым блаженным перилам веранды, по серому дощатому настилу и ковровой дорожке, ведущей к белым же ступеням, которые спускались к воде – и чуть подуспокоился. Потом мельком решил глянуть на носки туфель: не велеть ли привести туфли в порядок, ведь только что бродил по песку, но взгляд его уткнулся в выпуклость живота, вольготно упакованного в серые, в тонкую полоску брюки, и к Анпилову вновь вернулось раздражение. Он дергано вытащил пачку сигарет, хлопнул по ней, вытянул белый цилиндр, помял и поднес большому, словно срезанному на конце носу. Запах неподожженного, досужего табака вновь успокоил Анпилова, и он легко, с вечным вызовом самому себе вскинул голову с предельно коротким полуседым бобриком волос, приподнял левую бровь и этим неожиданно гармонизировал тяжелое лицо. В расстегнутом воротнике сорочки обозначились мускулы шеи, и вдруг резко проявил себя небольшой, правильно вырезанный, крепкий, почти детский рот, что завершило нынешнюю форму Анпилова не на такой уж отчаянной точке.

Владелец Бака уставился на желтую полосу леса за неправдоподобно голубой большой водой – двух сливающихся в этом месте рек и небольшого водохранилища.

Именно здесь Анпилогов всегда мечтал иметь землю, именно здесь поставил несколько неброских серых с белым деревянных зданий и назвал все это Баком – как на корабле. Или на Ледострове.

Поглядев вокруг, Леник вдруг начал думать о том, что было до Бака, до Барокамеры, до денег, и вообще...

3

Он не помнил, где родился, знал только большой голый двор, отделенный от соседей глинобитным забором. В этом голом дворе бегало много ребятишек – его приемных братьев и сестер, искавших во что бы поиграть и где бы раздобыть поесть. Леник почти ничего не помнил отчетливо – все смазано, а отчетливо лишь: какого-то пацанчика – то ли брата, то ли приятеля, с которым играл на помойке среди множества странных разбитых и испорченных предметов, да запах яичницы, который шел из соседнего, отделенного глинобитной оградой, двора.

Барокамера

А гости затушили сигареты, приткнули чашки с допитым кофе на шелестящих на ветру скатертях небольших круглых столов и повернули к стеклянным дверям павильона. Анпилогов выждал, пока к дверям пройдет стройная женщина с очень узкой спиной и небрежной, даже неловкой походкой, вызывавшей желание подхватить женщину под хрупкий локоть и не дать ей оступиться. Но Анпилогов прекрасно знал, что она уж никак не оступится. Женщина поправила пару шпилек, которые, казалось, едва сдерживали поток прямых, суховатых волос, электролизующихся и летящих вслед за ней отдельными прядями. Леник заметил, что в последнее время, с тех пор, как он перестал видаться с Веруней, все небрежное, примятое, женственно-несуразное раздражало его, вызывало сердцебиение, и у него даже начинал слезиться левый глаз.

Анпилогов переждал все уловки Ули – женщины с узкой спиной, потом тяжело поднялся и пошел в переговорный павильон, думая о том, что стоило все же обратиться к персоналу – желтый песок прилип к носкам темных туфель.

А они все уже расселись. Кто как сидит, черти... Откину-

лись, пожевывают, теребят блокноты, только что в носу не ковыряют.

Они были нужны ему сейчас, ох как нужны. Эти генеральные директора, президенты и «по связям с общественностью». Если удастся возглавить ассоциацию, то такой путь будет единственным спасением для Барокамеры.

И сейчас Анпилогов говорил долго и с удовольствием. Как всегда, у него буквы «к» и «г» слегка належали на «х», потом заваливались в горло и пропадали. Он говорил, словно во время сытной еды, и потому любая речь Анпилогова казалась аппетитной, почти питательной.

– Это же был редкий человек... И ученый, и авантюрист немного, и организатор блестящий... И ведь что говорил: коммерция не для него! Потому что – тараканы бега. Что-то в этом... что-то в этом, на самом деле есть. Как представить себе различные мотивы людей, которые идут в коммерцию?

Анпилогов их снова оглядел. Фельдштейн – этот просто отвернулся и нашептывает что-то на ухо Уле, а та трясет головой, обманно вселяя надежду, что ее замысловатая прическа вот-вот рассыплется. Трое из Общества отечественных сборщиков лениво читают устав ассоциации, другие вообще изучают балки потолка – впрочем, там действительно есть, что поизучать – отличные балки, из ценных пород дерева, и только сам Эйхо Кокконен – из Скандинавской унии экспертов слушает Анпилогова очень внимательно, надавливая время от времени на зерно переводчика у себя в ухе. И еще

этот, из Вестника, писака, все строчит в блокноте, даром, что диктофон нацелен Анпилову прямо в рот.

– Приход в коммерцию имеет три причины. Первая, скажем так, мягко, но по существу – тщеславие. И еще обычный движущий мотив для людей такого рода, как я или мои ближайшие сотрудники... Что характерно для людей такого склада? Острая потребность ликвидировать унижительное материальное положение. Наверное, именно по этой причине я и создал свою Барокамеру.

– Что за наименование? – лениво проговорил один из коллег-директоров. – Ты б, Леонид Михалыч, хоть раз объяснил, что имел в виду. Я понимаю, логотип должен отражать... и так далее и тому подобное...

Анпилов опустил голову, напрягся, покраснел, всем своим видом демонстрируя, насколько трудное решение он принимает, решаясь объяснить этим людям нечто потаенное:

– Барокамера – вещь внутренняя, отделенная от внешнего мира, со своим собственным режимом давления, со всеми своими глубинными службами – как в автономном плавании. У нас – свои сервисные дивизионы, свои отделы закупок и продаж, свои сборочные цеха и даже... собственный музей, который мы назвали так, несколько забавно – Гохран, – но тут Анпилов сощурился, сделал вид, что сейчас признается в чем-то очень сокровитном, и проговорил: – И все-таки, до сих пор, после стольких побед и пинков под зад, постоянно

ловлю себя на мысли, что возьмет все – и накроется медным тазом!

Анпилогов произносил эти слова очень много раз – и перед коллегами, и перед прессой, но никто особенно не вдуывался в его ответ, просто пропускали мимо ушей, и поэтому спрашивали постоянно, просто, чтобы подать голос. Служба связи с общественностью Барокамеры полагала, что эти вопросы и ответы на них – только на пользу.

– А что, говорят, и стряпухи у вас неплохие? – снова подал голос чужой генеральный.

– Да, разумеется, мы сразу решили все вопросы с питанием сотрудников. И постоянно думаем над проблемой обеспечения их жильем.

– А помимо возможности ликвидировать унижительное материальное положение – что вас заставило взвалить на себя весь этот груз? – спросил, наконец, писака.

– Но ведь в прежние времена коммерция – это было нечто оскорбительное, почти криминальное. И вот появилась возможность, и некоторым захотелось поерничать, что-то такое всем доказать, походить по лезвию ножа.

Кокконен передернул плечами и переложил зернышко переводчика в другое ухо, и тут Анпилогов поднял глаза к дорогим потолочным панелям и продолжил свою речь:

– И – как редкое исключение – некое такое созидательное, социально – миссионерское...

Писака Максим, или, как его там, покрутил в пальцах

пульт, красный диодик на диктофоне издох.

«Ах ты, бутер-итер, хамло ты эдакое, надоело ему меня записывать», – выдавил в себя Анпилогов и добавил:

– Тем не менее, элемент тщеславия и необходимости самовыражения играл, конечно, основную роль. Но материальная неустроенность и дискомфорт, который мои нынешние сотрудники имели в тех самых организациях... Хотя, кто станет спорить – прежние структуры по всем своим стандартам, конечно, были эффективными. – Леник задумчиво сощурился, вскинул голову и глянул в окно, обрамляющее большую голубую воду. – И я всегда с большим сожалением вспоминаю те каноны и ту философию организации, в которой я раньше работал, полагая, конечно, что она слишком анахронична. Но, извините, и мастерство интриги здесь было – на самом высоком уровне...

Имитация

– Явич! Явич! Либо они мне дают объект – либо нет. Ты не знаешь, только догадываешься? Ладно. Я пообещаю в главке выдать им начальника комплекса со всеми его потрохами. Я все, что за ним было, знаю. Что, нет? Ошибаешься, Явич, предоставляю им всю документацию. Я тебе буду потом – не как тупой бутербродус! Я те разберусь! Не кряхти, Федор Иванович, мы с тобой еще поваландываемся!

Леник очень рассчитывал, что хотя бы через месяц он сумеет выбить неплохую загрузку для отдела, нужно было только слегка надавить на начальника комплекса Кэтэвана Ламидзе, хотя бы пошантажировав его Горчишным домом, но пока это не совсем удавалось, и доходили слухи, что Кэтэван собирается отдать заказ на имитацию нагрузки изделия КЛ14 в пригородный авиационный НИИ. Анпилогов немного надеялся, что его старый знакомый, бок о бок с которым он провел немало лет, откликающийся на кличку Явич, в прошлом – лицо высокопоставленное, хоть что-то посоветует ему. Но тот отнекивался. Леник разработал уже ряд планов по уговорам Кэтэвана, но практически все начинания в отрасли были пока приостановлены, и причина крылась не

только в отсутствии топлива, причину понять было нельзя, хотя Леник многое подозревал, но никак не мог проверить. А то, что говорили в курилке, было настолько немыслимо и глупо, что не хотелось и слушать.

Во-первых, военпред прозрачно намекал, что «постоялец возвратился» и «вполне принят», во что Анпилогов так сразу не поверил – ведь совместно правившие чуть ни тридцать лет Нифонтов и Петруничев в конце капели и как раз перед сухостоем расстались, первый отправился в северный городок Нифонтовск, а второй и нынче сидит за красными башнями. А во-вторых, что уж и вовсе показалось Ленику невероятным, связист из корпуса руководства заявил, что Леник нынче окажется на коне, так как его бывшему заключенно-подопечному Явичу удалось доказать свою старую идею, за которую его когда-то и упекли на Ледосторов.

Положив черную округлую телефонную трубку, Анпилов вытащил сигарету и принялся медленно пожевывать ее, оглядывая помещение отдела.

Первая территория отдела имитации – большая комната с эркером, выходящим на бывшее летное поле, была заставлена непомерно большими деревянными письменными столами и стульями с потертыми дерматиновыми спинками и сидениями. Начальнику отдела Анпилову со своего места в углу комнаты было хорошо видно всю территорию. Стойки дискретной машины Обь – низкие, светлые, никого не загромождали, и перед столом начальника было пустое пространство, куда он иной раз вызывал сотрудников – поговорить.

У окна – и что за поза у нее такая? – как обычно стояла Ульяна и, разложив на широком гранитном подоконнике пустографку, рассеянно ее заполняла. Снаружи, буквально впритык к окну, рос густой клен. Крупные его листья, местами еще темно зеленые, а частично принявшие медный цвет осени, лежали прямо на подоконнике.

Леник, вообще-то, понимал, почему девчушка не хочет всаживаться, втесываться в свой старый стол, принадлежавший за долгую жизнь многим сотрудникам, исписанный еще фиолетовыми чернилами и порезанный местами от скуки перочинным ножом.

Уля совсем недавно закончила считающийся перспективным техникум типа «Л», и ее распределили сюда, в отдел имитации, а работы у отдела (впрочем, как в последнее вре-

мя, негласно именуемое сухостоем, во многих КБ и институтах) нет уже весьма давно. Что поделать – с топливом скверно.

Девчужке скучно, она не привыкла к изощренному проведению рабочего времени, она не хочет втягиваться, даже и за стол садиться не желает.

Стол Ульяны находился перед рабочим местом Коли Демуры, и Леник не совсем без задней мысли ее туда посадил, поскольку Колю считал очень полезным человеком для работы в отделе, и ему хотелось Колю как-то устроить, что ли... Себя-то Леник в последние годы как-то подустроил: сочетался с женщиной, имевшей неплохую квартиру в центре столицы – на Набережной, напротив строящегося Дома властей – правда, у женщины были дети от прежнего мужа. Но Леник вырос в многодетной семье, где некоторые сестры-братья были приемными, да и себя он считал приемышем. И там, в этой квартире, оказалось привычно, шумно и не без громких скандалов. Правда, ему не очень нравилось, что жилплощадь этой женщины на втором этаже: неплохо бы и повыше.

Уля, пока не сумевшая «осесть», все стояла перед подоконником, вырастая тонкой спиной из пышной юбки, словно стебель с темной головкой. Демура смотрел на нее все как-то со стороны, например, стоя в эркере – пятиугольном выпуклом окне-балконе. С этой точки, наверное, хорошо был виден улин подоконник.

Уля тоже бросала взгляд в сторону эркера и видела боль-

шие, выступающие надо лбом, светлые крупновьющиеся волосы Демуры, которые словно бы поддерживали в приподнятом положении внутренние пружины. Солнце, заполняющее эркер, заполняло и эти, приподнятые надо лбом волосы.

Демура

После Коля Демура часто вспоминал этот вечер – даже не оттого что произошло тогда, а оттого, что он впервые ощутил то самое состояние, которое позже назвал «идеальным газом».

...Иногда он и не соображал, зачем стоит здесь и погружался в приятное простояние, но когда приходило осознание – от головы до ног нечто проваливалось по телу вниз, взрывалось, поднимаясь обратно к холодному лбу облаком легкого шипучего идеального газа.

Коля достоялся, взял синюю пачку абонементов и вышел на улицу. Миновал оклеенный одинаковыми афишками забор, маленькую мастерскую и только у качающейся на воде баржи-ресторана понял, что идет не ту сторону.

На другой день он положил синюю пачку на стол Майке Городошнице. Она сидела, как всегда, уткнув ручку в пустой лист бумаги.

– Это что, билеты в Австралию? Там сейчас весна... – сказала она хриплым голосом, словно только что проснулась.

Демура по возможности спокойно объяснил, куда придти, чтобы посмотреть фильм. И добавил, что это рядом с

его домом: подошел, взял на всех, народу почти не было...

В хорошо известном людям и малозаметном с виду доме культуры крутили старые знаменитые фильмы, которые нигде больше посмотреть было нельзя: от немых, в которых словно бы говорили затененными глазами немыслимые красавицы – до красавиц иных – завитых, щипанных, с огромными плоскими довоенными плечами.

– Надо подумать, надо подумать... – но Майка взяла себе стразу три – на себя, пожилого отца и свою давнюю подругу.

Сотрудники подходили по одному, крутили головами, совали Коле бумажки и мелочь.

И она, слава Богу, тоже подошла. Демура рассчитал, чтобы всем хватило, и остался один лишний. Она подошла, убрала волосы за уши, подколола шпильку, медленным мизинцем потрогала синюю бумажку и прошептала:

– Только у меня сейчас нет денег.

– Потом отдашь, – отозвался Коля.

– И я не знаю, может, я потом не смогу.

– Абонемент только на один месяц.

Она подцепила бумажку двумя пальцами и понесла к сумочке, а Николай негодовал: «Ведь запросто потеряет».

Он объяснил ей, как туда ехать. Объяснил подробно, даже нарисовал, а она пристроилась, перегнувшись, у его стола, опираясь на острые локти, и отрывала от кривого чертежа мелкие клочки бумаги, мусолила их небрежными пальцам, совала в рот и жевала. Встретиться у метро он ей не предло-

жил.

В день первого фильма он с утра придирчиво осмотрел ее. Она пришла на работу в стареньком коротком платье, темно бордовом. Видимо, не успела подколоть пучок, почти до подола платья свисала мягкая, свободная коса, которая никогда не казалась тяжелой на ее подвижной голове. Николай подумал, что от этого вечера она ничего не ждет, и смирился.

Придя в де-ка пораньше, он устроился в буфете, купил бутылку пива и принялся наблюдать за обшитой лакированными деревянными рейками дверью. Здесь он ее не дождался, зато пришедшая, наконец, Майка потащила его в зал и все старалась усадить рядом со своей подругой.

Потом бледный мальчик в свитере прочитал со сцены лекцию о блиставшей несколько десятилетий назад заокеанской кинозвезде, и потушил свет.

Коля ничего не понимал, и уже не мог разглядывать зал, вертя головой. Потом в фойе послышались возгласы вахтерши, блеснул свет, и закрипело кресло в соседнем ряду. Демура тут же рванулся туда, нашел, где скрипнуло, и позвал в темноту: «Ульяна!»

Темная быстрая фигура, спотыкаясь о колени соседей, пробралась к нему.

– Автобуса долго не было.

– Я вот здесь... Я здесь ждал. Придешь ты или нет.

– О-о-й! – протянула Уля. – Погляди!

Николай повернул голову к экрану, но поначалу ничего не

видел, потому что не хотел, но пятно экрана разгладилось, сфокусировалось и обернулось широким глазастым лицом, гладкими волосами и веткой жасмина. Все это, зашуршав, обтянулось белым атласом и своенравно скрылось среди черных фраков.

Это еще что? Он снова отвернулся от экрана. Уля сидела, запрокинув голову. Действие на экране затянулось. Коле казалось, что медленно движутся там специально: тягуче сближаются, протягивают руки, бьются взглядами. А белесая женщина с гладкими волосами и веткой жасмина жестко смотрела с экрана, и все тянула, тянула...

Коля провел ладонью по подлокотнику кресла и на самом его обрыве наткнулся на улину руку. Уля быстро работала пальцами – скручивала и раскручивала билетик. Он забрал ее руку, притянул к себе и положил себе на грудь возле края воротника. Как теперь сидела Уля, неудобно протянув руку в сторону, в темноту – он не знал. Кисть у нее была влажная, у него – сухая. Он легко заскользил по ней ладонью, потом забрался в горячую ямку между пальцами и там, в морщинах кожи, среди горячих и мокрых линий жизни, любви и смерти, его палец..... продолжал свое дело. Уля сидела тихо, и нельзя было понять, куда она смотрит, уж очень далеко была запрокинута ее голова.

А в кино среди факелов и дыма ехала в скрипучей телега женщина с плоским лицом и круглыми жестокими глазами. Бегали кругом темные толпы, кричали, а она так до конца и

смотрела в зал, пока не зажгли свет.

Сомкнутое движение бывших зрителей вынесло их в черный переулок, и тут они начали тормозить, теряться и выбрались на набережную последними.

– Что это было там? – спросил Николай.

– Кино, – пожала плечом Уля, – «Иесавель» с Бэт Дэвис.

Никого вокруг уже не стало, толпа растворилась в переулках, набережной, проходах, де-ка захлопнулся, потушил свет, опустил шторы и, словно бы, вовсе пропал.

Сухой блеклый асфальт возле парапета набережной слегка светился.

Имитация

Рядом с эркером обосновалась Майя, называемая всеми Городошницей, потому что в любое свободное время бежала на выделенный участок секции городков в районном парке. Городки стали игрой «для избранных» не так давно, как раз, когда стало плохо с топливом, и бассейны прикрыли.

В городошную секцию записаться было трудно, но Майка побилась, завела знакомства. Ленику казалось, что Майка только о городках и думает, что перед ее большими, светло карими глазами – словно специально растягиваемыми, чтобы не уснуть на работе, с тщательно подкрашенными и подвитыми ресницами – летают деревяшки, а ее сильные крепкие ноги в чистых белых носках переступают по травяному участку – да и на самом деле слегка приплясывают под столом.

Майка давно уже осела, подергавшись после университета. Если в отделе не было заказов, вовсе до обеда не поднималась из-за стола, то подкрашивая ногти одним из своей коллекции лаков (где-то их доставала же!), то просто уткнув перо ручки в чистый лист бумаги и глядя прямо перед собой растягиваемыми глазищами. При этом, стоило только ко-

му-нибудь незнакомому войти на территорию отдела – Майка тут же, как будто ее включали, принималась писать. Все равно, что.

Когда Леник продумывал план получения хоть небольшого куска задания по имитации нагрузки изделия КЛ14 и в плане уже появился седьмой пункт, голоса и лязг оторвали его от дела.

Анпилогов резко распахнул дверь, миновал предбанник, вышел на лестничную площадку и погрузился в звон, стук и брань.

Серебристые металлические кронштейны, уголки и перекладки смещались, стучали, скрежетали, съезжали и вздымались среди рук, плеч и взлохмаченных потных макушек грузчиков из модельного цеха и – искривленного, подставляющего плечи, спину и бока под острые ребра сооружения, помятого, но ликующего и брызжущего стремлением и деланной злостью Геры Фельдштейна, который значился в списке отдела разнорабочим, но в, тоже время, занимал пост председателя месткома.

Серебристые поверхности, углы, взмокшие макушки и гремящие башмаки неукротимо взобрались вверх по лестнице, на веселом и хамски орущем усилии проскрежетали по фальшполу, всадили пару глубоких шрамов в створки дверей и заняли неожиданное для Леника прочное положение прямо перед столом, перекрывая вид на эркер, Обь и сотрудников.

– Гера! – уже давно кричал Анпилогов, – Гера! Что вы притащили? Чей приказ? Что это вообще за штуковина?

– Кроссшкаф, Леник, кроссшкаф. Что, не знаешь такого устройства?

– Кто велел... Его – сюда? – захрипел Анпилогов.

– Там, в комплексе, решили. Кэтэван мне задание давал. Мне лично, мне, запомни это, Леник! – Фельштейн бил себя в грудь, увязая покрасневшими от натуги и трения об металл пальцами в мокрой от пота рубаше, на которую был кое-как натянут комбинезон.

– Не фигя не понимаю... – Леник снова схватился за черную изогнутую трубку.

– Да-да, будет вам полезная деятельность! Нечего мельтешить и гадить мне! – Кэтэван Ламидзе, глава испытательного комплекса, небольшой, хищный, исхудалый, с лицом таким, словно его обрабатывали на токарном станке и потом долго полировали мелкозерной шкуркой, сообщал, словно отпихиваясь от Анпилового. – Работа... Да! Я пытался отвертеться. Не вышло! Все свихнулись, все. Ты слушаешь же меня, Леонид Михалыч?

Анипилогов, не отрываясь, смотрел в окно. Тележки с развороченной аппаратурой продолжали выезжать почти из всех корпусов – словно прибытие кроссшкафа дало всему этому сигнал.

– А?... Что... идет?

– Идет, еще как, идет, – с хрипом вздохнул Кэтэван. – Идет крошечная реорганизация. По нам по всем пройдет-ся, – Кэтэван вдруг схватился за коротко остриженную, гладкую черную голову и пропел: – Ой, больная моя бо-о-шка! Ой-йй... больная! Но ты, несмотря ни на что, про Горчишный дом не забывай, навещайся туда, смотри, как идет работа с контрабандным, – он хохотнул, словно кашлянул, – товаром. Так, на всякий случай...

До сих пор Анпилогов очень внимательно присматривался к Горчишному дому – большому зданию постройки времен главы государства, выкрашенному в оранжево-желтый с зеленым оттенком – «горчишный» цвет. Туда по приказу Кэтэвана (и, видимо, приказам более высокопоставленных людей) свозили вычислительную технику, добытую правдами-неправдами за границей – в основном, за океаном – разбирали, изучали и пытались на ее основе соорудить свою. Особенно широко распространяться про Горчишный дом не полагалось, но и особо секретным это место не было.

Немного успокоившись, Кэтэван уже очень деловито проговорил:

– Параллельно с реорганизацией пройдут огневые испытания.

– Да я же... всегда, – с радостной готовностью начал Ленок.

Кэтэван Ламидзе осадил его, поглядев очень строго.

– Особые испытания. Затребована предельная экономия

энергетических ресурсов. Предполагается работать изделие КЛ14 на подпитке, основанной на принципах... Плещеевского огнемёта.

Леник опешил и закрыл раздвинутый было радостно рот.

– Это что же? Но ведь... сотрудник Кэтэван, принцип-то Плещеевского огнемёта вовсе неизвестен. Появился в Гражданскую, деморализовал противника напрочь – и сгинул.

Кэтэван забежал по кабинету, не поворачивая головы к Анпилову, и повторяя:

– С самого верху! С самого... Что-то у них там сдвинулось, заклинило. И теперь новый движок нужен – позарез! Давай, говорят, принцип огнемёта – и чтобы сроки... Ты – имитатор? Моделист? Мне еще тебе объяснять. Ищи принцип. Не найдешь – придумай! Знаешь ведь – вся суть в том, что огнемёт потреблял минимум топлива. Его огонь был – постыдный огонь. А отсюда еще раз повторю: предельная экономия энергетических ресурсов.

Окошко выдачи чемоданов притягивало к себе всех без скидок на партийные чины и должности. Анпилогов затребовал документы на испытания изделия, и, пока женщина отдела в белом, слегка подмятом халате шла к сейфу, он прижался лбом к стене над окошком.

Сначала прижался – потом отпрянул. В этом самом месте выдачи, на стене, сверху рамы, посередине, именно там, где прижималось лбом множество людей, образовался некий нарост – желтый, слипшийся, в темных трещинах. Его не мог ликвидировать никакой ремонт, даже после покраски он возникал вновь. Анпилогов всякий раз говорил себе, что не станет прикасаться к этому наросту над окошком, но в задумчивости и скуке все равно это делал.

Женщина отдела принесла Ленику металлический чемодан с документацией, и тот расписался в трех места: в амбарной книге по допуску типа А, потом в амбарной книге по допуску типа Б, а затем в прошитом блокноте по спецдопускам.

Помахивая чемоданчиком, Анпилогов пересек территории КБ «Запуск», поздоровался с инвалидом детства, обладающим большой деформированной головой, который работал садовником и звался Дворовым, открыл тяжелую чугунную дверь с засовами, миновал один турникет, где бодрствовал дежурный, и погрузился в зал испытываемых объектов.

Здесь, играючи, он погладил по серебристому боку четырехметровую сигару астросферической ракеты, поддел плечом шар спутника, ударил носком ботинка в тороидальный корпус грузовой орбитальной станции. Деревянные, покрытые серебристой краской модели отвечали глухим стуком.

За залом находился еще один турникет, здесь дежурный обычно подремывал, ибо ходили только свои, но сейчас он был бодр, встрепан, даже перепуган.

Начальник отдела имитации, перешагивая через ступеньку, миновал лестницу и ворвался на Первую территорию.

Стойки Оби были сдвинуты в угол, а все остальное место заняли напольные и настольные алюминиевые, пластмассовые и даже деревянные ящики с разного вида экранами, окошками и прорезями – корпы. По комнате сновали наладчики в голубых комбинезонах с непонятной новой эмблемой на отворотах воротников, а среди них, как ни странно, покинув свою стоянку возле подоконника, суежилась Уля, то поглаживая гладкие лакированные бока ящиков, то проверяя, как вставлены в гнезда кабели своими точными, крепкими и так желающими казаться неловкими, пальчиками.

Старую мебель, видимо, вытащили, а вместо нее завезли коробки с деталями новой – легкой, прямоугольной, собираемой на винтах и гайках.

Из эркера тянуло гарью. Анпилогов выглянул и обнаружил на бывшем летном поле гигантский костер – это жгли старые столы, исписанные еще фиолетовыми чернилами и

изрезанные от скуки перочинными ножами.

– Ах ты, бутер-итер хреновый с горчицей!.. – взвыл Анпилогов и с силой ударил секретным чемоданом о косяк двери.

Металлический гул размножился, пересек комнату и отразился в другом ее углу, возле бывшего анпилоговского стола, а именно – в стойках кроссшкафа. Как оказалось, в этой разоренной, забитой невесть чем комнате, только кроссшкаф, наконец, обрел свою сущность и расцвел, как неожиданно расцветает весной невзрачное сухое дерево.

Его выкрасили в темно синий цвет, его полки заполнили плоские коробки, увитые густыми, принявшими простые технические цвета проводами. С полок потоком стекали кабели и уходили в дыры фальшпола, чтобы, соединившись своей внутренней медью в разных невидимых глазу комбинациях, пересечь несколько помещений и влиться в приемные каналы любимого детища Леонида Михайлоаича аналоговой машины Климаши.

Начальник отдела имитации, нагнув голову, всем корпусом устремившись вперед, с сумрачно нависшими веками, с глубоко втиснутыми в карманы кулаками, летел к забору. У него оставалось несколько часов отгула за ночное дежурство, и он взял эти часы, только чтобы не видеть, что происходит.

Одним щелчком он вставил пропуск в ячейку с внутренней стороны турникета, несколько раз нажал на поручень, пока тот не поддался, потом вытянул пропуск из наружного лотка и двинулся по утоптанной тысячами утренних бегущих ног дорожке к автобусу.

Всего три остановки. Удобно, близко. И опять же – никакой связи с собственным ка-бе. Женщина трудится в совершенно другой (хоть и родственной) организации. Поехав туда однажды в местную командировку и зайдя за синьками в архив, Анпилогов и нашел себе ее.

Женщину архива, одетую поверх кофты и юбки в казенный белый халат из мягкой бязи,стиранный, истончившийся, вытянувшийся и измятый сзади, там, где она садилась.

Путь среди поздней темной зелени к крайнему подъезду белого, в шашечках, пятиэтажного панельного дома был обсажен низкими кустами, покрытыми мелкими белыми шариками – то ли цветами, то ли ягодами. Шарика возникали на кустах в конце августа, и, если их оборвать, кинуть на ас-

фальт и надавить подошвой – с хрустом лопались, истекая каплей влаги.

Анпилогов сорвал, раздавил такой шарик и ощутил внутри себя тяжелый кол. Влажное лопанье шарика всегда приводило к этому ощущению.

Занавеска в окне первого этажа была задернута, и только край ее оказался слегка не дотянут, там виднелась стопка пожелтевших книжек и ножка настольной лампы. По верхней книге скользнула розовая тень пальцев, Анпилогов нажал на ручку обшарпанной двери, погрузился в затхлый, подсвеченный мясным запахом мусоропровода мир подъезда, миновал несколько ступенек и оказался возле угловой квартиры. Было не заперто.

Веруня прислонилась к стене в тесном коридоре, и Анпилогов, едва скинув пиджак, ухватил Веруню, приподнял, посадил на край тумбочки, откуда посыпались старые варежки и шарфы, уткнулся лбом в мягкую полость ее свитерка, приподнятого до выпуклостей груди – и надавил собой. Словно ту самую белую горошину с куста.

И давил и давил, сжимая руками податливую верунину суть.

А она только шуршала спиной по обоям, глухо стучалась головой – и более ни звука.

Правда, чуть позже Веруня быстро что-то проговорила, метнулась, поставила на стол тарелки, вытащила из холодильника черную бутылку с настоем.

Анпилогов дивился веруниному беззвучию. Она как свои губенки сложит, и не понять – чем дышит?

Про настой Веруня рассказывала с охотой. Про корень хрена, который нужно разрезать елочкой – именно елочкой, тонкими ветками, спускающимися с основного ствола, и погрузить затем в темную бутыл, заполненную водкой или хорошим самогоном. Только обязательно в темную, чтобы не разлагалось на свету.

Веруня тоже глотнула настоя, разомкнула-таки бледные, даже не подкрашенные губы. Глотнула, чуть ожила, поправила хрупким желтоватым пальцем с едва заметным чернильным пятном серую подвитую прядку, которая лезла в глаз – причем прядка тут же упала на прежнее место, да Веруня даже и не заметила – потом подтянула хорошо отглаженную юбку, чтоб закрывала колени, и даже позволила себе чуть хохотнуть.

– Думаешь, что? – Анпилогов полез к тарелке с кусочками сала, – Сейчас еще Обь размонтируют, повыкидывают все, пожгут, как столы.... Бут. р... – Леник зажевал сало.

– А Климаша? – спросила Веруня.

– Нет, ну что ты! Климаша – при мне. Там мою территорию не тронули. Нам же поставили кроссшкаф, который будет их объединять: Климашеньку, и этих, новых... типа «Л». Ящики и ящики. Полная байда получается.

– Погоди... – Веруня сглотнула, и под тонкой кожей по высокой шее прошло движение глотка, – Тебе совершенно

неожиданно, в приказном порядке, сменили всю дигитальную технику. Это так?

– Так! – смазанно рывкнул Леник. – Однако, как это ты выразилась?

– Дигитальную. Дискретную, уступчатую, прерывистую. Ведь Обь – цифровая машина?

– Ой, да ну... Сляпали там, в университете... Каких-то полтора адреса, фиг знает что. Но считала как-то. Майка – так прямо виртуоз у нас по проблеме деления в этой адресной системе.

– Видишь ли, Леня, – женщина архива еще глотнула из стаканчика, – уже когда стали поговаривать, что Петруничев вновь работает в слаженном содружестве со своим старинным и верным соратником Нифонтовым, совсем еще недавно сосланным в Нифонтовск Северный, стало ясно – грядут перемены.

– Веруня, да что ты в этом... – Леник положил себе еще ломтиков сала и ложку винегреты.

– Погоди, я представляю это себе так... – у Веруни были большие серые глаза с матово поблескивающими веками: то ли слегка влажными от усталости, то ли покрытыми тонким слоем крема, – Нифонтов вернулся к делам не просто так, а с неким важным основанием. Скажу тебе – я уже рассматривала планы-синьки реорганизации предприятий, министерств, городов, краев... Там все очень просто, словно паутина. Только клетки одинаковые, квадратные. И всюду на

пересечениях – структуры типа «Л».

Леник пришел наутро в отдел, вытащил из сейфа чемодан и вскрыл его, наконец.

Он ожидал увидеть план предполагаемых испытаний, синьки с чертежами узлов изделия, с которыми ему придется непосредственно работать и так далее. Но там помещалась еще и некая брошюра с вложенным в нее планом-картой. Анпилогов развернул его и понял, что это именно то, о чем ему говорила Веруня. На брошюре стоял штамп: «Для допусков А, Б и особого типа. Ознакомительная форма». На первой странице вкратце шло пояснение, примерно такое же, что некоторое время назад давали газеты и журналы: «Освоение на территории нашей страны месторождения породы типа „Л“ и дальнейшее использование выделенных из нее лигнокристаллов, позволило в короткое время освоить выпуск вычислительной и связеобеспечивающей техники высокой производительности – корпов. План-карта установки основных узлов системы в масштабах Государства, а также инструкция по выполнению основных требований прилагается. После ознакомления – распишитесь».

Анпилогов пошел с чемоданом на территорию Климаши и развернул карту на двух сдвинутых столах, включив над ними навесную лампу под круглым черным абажуром. Территория государства, по очертаниям напоминающая довольно

толстую корову, была покрыта сетью пересекающихся линий с квадратиками разной величины в узлах. Величин было три – корпы высокомошные (правительственные), средней мощности (двойного назначения), а также гражданские.

По краям коровьей skóry – то есть возле границ – размещено было не менее сотни корпов двойного назначения, за которыми шла махровая, слабо окрашенная полоса под названием «периметрический экран», и еще такие же корпы были отмечены в больших лесных, степных и пустынных районах государства, где, как предполагал, а иногда и точно знал Анпилогов, находились ракетодромы и астросферные станции слежения.

Моделей же корпов, судя по всему, было множество, и их схематичные, но плохо отпечатанные, размытые изображения были размещены понизу плана-карты. Бегло осмотрев их, Леник понял, что в отличие от вычислительных машин, которые раньше стояли только в НИИ, КБ и министерствах, эти новые штуки делаются для магазинов, поликлиник, автопарков, и даже для квартир – в виде мебели, кухонных приспособлений, холодильников и еще чего-то, что в его представления просто не помещалось. Он только понял, что телефон, телевизор и радиоточка – это теперь будут корпы и только корпы. Еще в самом низу, на затертой уже кем-то кромке листа, Леник усмотрел кучу совсем небольших белых кубиков – это оказались корпы «общественного порядка». Леник решил, что устанавливать их будут на по-

толке и стенках, потому они и белые – под обработанную штукатурку. Ну а если не белые, и еще поменьше – тут, конечно, возможны иные конфигурации – так что держи ухо востро. Можно, подумал, было Леник, сделать прослушку и проглядку и в форме лепнины на потолке. Только вот... все корпы как один задумали в форме кубов или параллелепипедов, в крайнем случае – тетраэдров или додекаэдров, а вот округлых форм, свойственных лепнине, среди них не значилось вовсе.

И всюду на сетке пририсовали стрелочки, которые, судя по комментариям внизу, указывали направления «потока сведений о порядке последовательности продвижений».

Кое-что об этих продвижениях говорилось и в тексте самой брошюры, кое-что Анпилогов уже мог о них представить себе. Во всяком случае, два резвых члена петруничевского молодежного союза – пэмэсовцы – уже нападали на него со своими grossбухами, расчерченными на множество граф, куда вписывали буквально по часам, чем он занимался в этот день на своем рабочем месте. Пока, как понял Леник, это была только их общественная нагрузка – некая прикидка, но что из этакой почасовой и поминутной слежки получится потом, когда подключатся все эти белые кубики на потолке и стенках, следовало серьезно подумать.

В общих же чертах там была набросана блок-схема такой конструкции.

По самому верху схемки лежали пятиугольники, обо-

значающие насущные нужды гражданина: питание, одежда, здравоохранение, образование, культурно-зрелищные нужды и так далее. Пятиугольники поделили на более мелкие ячейки, некоторые из которых выкрасили в одинаковые цвета, которые, по сути, оказались универсальными: доставка, обслуживание, учет и так далее.

В сердцевине схемы расположился условный человек, тоже весь разграфленный, и состоящий, как выяснилось – просто очень уж мелко было напечатано – из конечного числа продвижений, и погруженный в заштрихованный прямоугольник под названием производство. Условный гражданин передавал сведения о себе, то есть о своих продвижениях, при помощи технических работников – агентов, стряпчих и контейнеров – к большому квадрату, называемому хранилищем сведений, а от квадрата (как, впрочем, и от гражданина) шли стрелки к пятиугольным облакам нужд. Всюду на стрелках, словно галки, сидели блоки под названием «технич. раб.». Судя по всему, технические работники осуществляли связи и координацию между квадратами.

Все было обведено жирной линией, над которой стояла надпись: «общее управление, оркестровка», а с боков и снизу: «обеспечение безопасности».

Леник почесал в затылке и подумал: «Бутер-итер... Может, что-то в этом и есть, только вот...». «Только вот» он пока для себя не сформулировал.

Все-таки большую часть брошюры Леник отнес к очеред-

ной госкампании – авось и затухнет, и погрузился в описание самого изделия КЛ14 и необходимых для ознакомления узлов.

Забрался же старый на горку! Анпилогова раздражало нынешнее жилье Явича. Когда бывшему каторжанину в самом начале Капели выделили участок под дачку, Явич выбрал эту самую возвышенность, на которой и огородец-то не разведешь – какое-то террасное земледелие. Но в окрестностях города Плещеева, где Явич жил в детстве и закончил экстерном местное реальное училище, таких горок было пруд пруди. Горок, оврагов, впадин, холмов, озер и огромных камней. Когда-то, в доисторические времена здесь шел ледяной поток и вспахал окрестности Плещеева гигантскими вилами. На выделенной ему горке Явич выстроил дом, окружил его высоким забором и поселил на подходе к дому в решетчатой будке огромную собаку. Анпилогов не терпел пса, он напоминал ему жизнь на Ледострове, где Явич отбывал ссылку, а совсем молодой тогда Анпилогов служил в войсках охраны.

Нажав на кнопку звонка, расположенную на столбе калитки, закрывавшей дорогу на лестницу, Леник подождал, пока хозяин ответит и прозвучит щелчок, что говорило о безопасности для посетителя собачьей будки. Только после этого Леник приоткрыл калитку и бочком, стараясь держаться подальше от бушующего пса, поднялся к дому. Высокий старик протянул ему руку с перебитыми в ссылке пальцами и усадил на черный кожаный диван.

– Чего явился, Носатый?

– Да так, Явич...

– Врешь, ты так не притащился бы. Хочешь, скажу, зачем?

– А чего повторяться... То, что у нас крушат всю старую аппаратуру и вот-вот все заменят ящики на твоих лигокристаллах – это можно было догадаться.

– Ну, ты, думаю, ты в этом петришь лучше меня. Я ведь только мог прогнозировать их использование, а все наработ-ки – дело молодняка.

– Хрен их знает, что у них за дело... Природа рассудит... У меня к тебе другой вопрос. Помнишь, когда вы с, к-хм... коллегами, хотели уйти... с Ледострова за забор...

– Да... Забор там был... Забор! – Явич засмеялся, утирая слезящиеся глаза искалеченной кистью.

– Ну, прости... Это так сейчас принято выражаться... за забор... – проговорил Анпилогов вдруг осипшим голосом и сощурился – он увидел перед собой этот «забор» – изумрудно-серое море и крошащиеся льдины вместо береговой полосы, – Да ладно, Явич. Наша шарашка – не многим лучше.

– Так что за вопрос? – прервал его воспоминания хозяин.

– Когда вы собирались уйти, ты говорил, что неплохо бы использовать принцип Плещеевского огнемета, который применяли еще в Гражданскую, да потом напрочь забыли... Ты хотел растопить лед и вызвать суматоху, а потом, под шумок увести катер до большой земли. Так ведь?

– Вроде того. Но огнемет – это было недостижимо. Так,

если бы получилось, лишь некоторые его детали. Для шумка и паники этого бы хватило. Только имитацию огня... – печально проговорил Явич.

– Вот именно имитация меня и интересует.

– Ну да, ты же у нас – штатный фокусник, Носатый.

– Нечего Явич меня опускать, без меня тебе бы не выжить.

И если я расскажу, где надо, как ты геройски вел себя на Ледострове и сколько ребят из-за тебя..., – Анпилогов приподнялся, опустив круглую большую голову, и пошел на старика на полусогнутых, слегка косолапых ногах.

Старик и не думал пугаться, он схватил изуродованной, похожей на черную клешню рукой, палку, на которую опирался при ходьбе, и спокойно положил на колени.

Ты Носатый, не загибай! Это с какой стороны смотреть! У меня были основания бороться за жизнь! И вы еще все поймете – почему! А про твои подвиги, праведник, начальничек, имитатор хренов...

– Ладно, Явич. Что мы с тобой... ей Богу... Что нам делить? Нас и так почти распяли... Так вспомнишь об огнемете? Хоть грамм?

Явич задумался, почесал клешней лохматую голову, еще больше сощурил узкие глаза, прячущиеся среди надутых влажных век, и проговорил.

– Страшно и сказать-то, но ни черта я, Леник, не помню, – старик опустил голову и затрясся, – И Соня вот... жена моя... ушла все-таки. Пожила немного... И снова уехала в

город.

– Софья Даниловна обид не прощает.

– Да какие там обиды! – Хозяин вдруг подобрался весь и, подняв голову, уставился в окно, за которым открывался вид на поле и далекую реку.

– Так вот, Анпилогов, Леонид Михайлович, что тебе скажу. Я действительно видал модель огнемета, выполненную из дерева. Кое-что там можно было разобрать, но лишь кое-что.... Существовали, безусловно, чертежи и описание к ним. Но создатели огнемета – наши же, из реального, – сделали все в единственном экземпляре и, как рассказывают, зашифровали записи самым странным образом. Тогда, перед второй мировой, органы пытались найти это описание, изъяли модель, пересажали многих людей, но, видимо, обнаружили только зашифрованные данные. Так, видимо, в архивах они и пылятся.

– Ладно, Явич, но ты же сам...

– А что я сам? У меня же тогда ни бутерброда соленого не вышло. Никакого огня. Только руки вот перешибли.

– Ну и что, Явич, так ты и в капель родному государству ровно ничего про это страшное оружие не сообщил и ровно никаких советов не давал, хоть тебя и с Ледострова выпустили, и обласкали, и на съезды по-прежнему зовут, как бывшего высокого государственного деятеля?

– Нет, ну как же... Я... Указывал на необходимость. Не больно-то меня и слушали. Просил допустить к Нифонтову.

Лично. Он тогда правил государством еще наравне с Петруничевым.

– Ну? – напряженно спросил Анпиогов.

Явич пожевал бледными губами, по дурацки подняв брови.

– Ну, да ну! А не пустили.

– А ты? Так и отступился? Ты?! Ни в колбасу не пове-рю... Ни в сыр колбасный, – подначил его Анпилогов.

– Я... я... – захорохорился Явич – я письма писал. На высочайшее имя.

Анпилогов вдруг вскочил с дивана, ударил себя по ляжкам.

– Ну, молодец, ну молодец, старик! А что писал-то? – добавил он небрежно.

Хозяин почему-то замялся, засуетился, стал снова вытирать слезящиеся глаза.

– Не помню, Леник! Не помню ни бутера! Правда, где-то есть же еще наши... Ну, вертикалисты, из реального. Кубатый там, Эва Китерварг, и еще один, этот... Ну, он может, и знал чего. Его номером первым поищи, он, вроде, в Сибири, в Учгородке, я его статьи видал. Так!

– Так!.. – задумчиво, но жестко, уставившись в окошко близко поставленными, очень темными глазами повторил Анпилогов.

– Может, чаю тебе налить? Нашего, крепкого, островного?

– Нет, не стоит, – также задумчиво прошептал Леник.

Он оставил машину за оградой дачного поселка и шел туда среди выпендрившихся рябин, неистово яркой еще травы, иссохших картофельных стеблей и тяжелых подсолнухов. От калитки машина с трудом преодолела подъем к шоссе, усталый потрескавшимися бетонными плитами, и влилась в поток, несущийся к столице.

Дорожное движение в последние дни крайне усилилось. Было много открытых машин с рабочими, машины сворачивали в лес по свежесрубленным просекам. Вдалеке, в лесу виднелись подъемные краны. Леник проехал большой щит с указателем «Ошалово -2», и вспомнил, что в этом месте когда-то была небольшая испытательная станция слежения за объектами. Видимо, скоро пригласят в эти места на приемку новой станции. Какие-то павильоны за высокими заборами с широкими подъездами к ним возводили вдоль дороги, всюду толпились работяги в синих с белым комбинезонах, и здесь впервые на флагштоке одного из павильонов Анпилогов увидел полотнище с непривычной эмблемой – белый остроконечный кристалл, напоминающий необыкновенно хищного вида снежинку на синем фоне. Анпилову и в голову бы не пришло, что это новый завод мороженого.

Леник был недоволен поездкой. Он считал, что Явич его снова надул. Как всегда не доверял, так и нынче. Не мог он все забыть, Явич – Федор Иванович Выборгский. Именно он, открыв в 26-ом году в одной из уральских шахт труб-

ку, состоящую из породы, с особыми включениями, которые в дальнейшем обозначили как кристаллы типа «Л» или лигнокристаллы, предположил, что обладание ими может изменить мировой порядок.

И это изменение уже началось. Анпилогов чувствовал это кожей.

Только все злился – почему он даже не подозревал о том, что это произойдет. Он уже и не вспоминал про радио-телевидение, хотя во времена капли на них в какой-то мере вполне можно было положиться, во всяком случае, пускали и мировые информационные программы. Сейчас же, после – не те времена. Ну, хоть колбасный бутер его забери, хоть какие-то были закрытые собрания, политинформации, бани... ну, хоть в курилке кто-то что-то конкретное нес! Сейчас – как отрезали. Невесть что происходит – все молчат.

– Э-е-е-е! – Анпилогов со злостью выбросил окурок в окно.

Он должен был выполнить задуманное. Ведь все было ясно как день. Конечно, Явич ему мозги крутил, этот старый козел только прикидывается полным маразматиком – а у самого даже еще зубы свои сохранились! Не зря нанятые шестерки волокли ему с материка еловую кору и брикеты морошки. Все рассчитал, гад! Не помнит он..! А проговорился-таки – что писал на имя Нифонтова, и видимо, пересылал по почте. Ясно, что даже в самом начале капли подобные письма никто не отсылал – они оседали в архиве, и нужные

люди из органов непременно с ними ознакомились.

И пока еще, вроде, никто архивов не закрывал. Так что действовать необходимо срочно.

Анпилогов несколько раз свернул, взлетел на новенькую эстакаду, сделал над запруженными улицами ряд ложных проходов, съехал и пустился на всей скорости в путаницу дворов, чтобы обогнуть намертво забитое грузовиками шоссе. Он прибыл в центр столицы в послеобеденное время, зная, что сотрудники архивов в этот момент бывают наиболее добросердечными. Здание Центрального почтамта было огромным, желтым и стояло, словно корабль, рассекающий воды двух расходящихся под острым углом улиц – как раз на перекрестке. Леник представил себе, как больной, только что вернувшийся с Ледострова Явич ковыляет к этому зданию глухого желтого цвета с пакетом в руке, как входит в отделанное дубовыми панелями помещение и отправляет заказное письмо на имя самого Нифонтова. Как женщина с маленькими губами, густо обведенными по моде тех времен, улыбаясь, берет письмо и относит его в соседнее помещение, где царствует начальник смены в сатиновых нарукавниках, как смотрит на адрес на конверте и помещает письмо в папку, завязывает красные хлопчатобумажные тесемки и закрепляет их сургучной печатью.

Анпилогов зашел прямо в почтовый архив, находящийся в том же доме, но – вход со двора, где во всю десятиэтажную высоту вовсе не было окон, показал свое удостоверение

с тремя степенями допуска и ласково обратился к женщине, так же чем-то неуловимо напомнившей ему Веруню. Леник вперился в нее небольшими темными глазками, и они тут же начали теплеть и трепетать, по краям проступили ровные короткие ресницы, образовав уютный ободок, сморщился, приподнявшись, нос, и насмешливо и заговорщицки выпятилась нижняя губа.

Женщина архива повела его в главный зал, и Анпилогов очумел от его бесконечно оштукатуренной и запыленной в верхах высоты. Он всегда чумел от незаполненного, но ограниченного пространства.

Архивная женщина потуже подвязала белый халат, обтянувший замятым полотном ее некрупный зад, подставила лестницу и принялась подниматься по ней боком, одной рукой хватаясь за полки, так, чтобы посетитель не увидел окончания ее ног под халатом и юбкой. Потом она долезла и достала пропыленную папку со скрепленными сургучом тесемками и с улыбкой принесла ее Анпилову. Он очень поблагодарил, вручил ей шоколадку «Золотой ярлык».

– Идите в просмотровую комнату, – сказала женщина архива, – потом добавила шепотом – И считайте, что вам очень повезло, потому что скоро-скоро этого бумажного архива вообще не будет, его переведут «на ящики».

– На ящики? – деланно удивился Анпилогов. – Ах, ну да... Все занесут в память систем.

– Да, да... – так же шепотом добавила архивная, – и это

произойдет очень-очень скоро. У этих ящичков на так называемых лигокристаллах какая-то бесконечно долгая память и совсем-совсем простой ввод. Положил на ящик – и... она хлопнула ладошками – и пшик!

– Пшик вам будет, пшик... – шептал Анпилогов, вскрывая печать.

В папке оказалась записка Федора Выборгского по поводу необходимости разработки оксалитовой жилы на заброшенном Пятом прииске и перечень выгод от использования очищенных оксалитовых выжимок в народном хозяйстве. Основные положения Анпилогов уже знал и воочью видал, но некоторые вещи его изумили...

Леник вытащил из кармана кусок кальки и аккуратно, слово за словом, перевел на нее остро отточенным карандашиком содержимое письма.

Он вполне понимал, что как только содержимое архивов переведут «на ящики», ему этого содержимого уже будет не достать.

Еще же он обнаружил в папке ссылку на дополнительные (по ключевым словам) документы, содержащиеся в других государственных архивах.

За три дня он обошел их все и использовал весь сверток кальки, умещавшийся во внутреннем кармане пиджака.

Вечером, в пятницу, вся группа имитаторов Анпилогова собралась на Второй территории отдела, находившейся за предбанником и лестничной клеткой – на половине Климаши. Климашей называли большую, старую, занимавшую огромными тяжелыми металлическими стойками целый зал аналоговую моделирующую машину, построенную еще на электронных лампах.

На Второй территории еще не выветрился запах шашлыка, который недавно жарил здесь сотрудник по прозвищу Пень на шашлычнице собственного изготовления, поблескивали несданные бутылки в углу, тихо урчала машина, подмигивая диодами. Анпилогов выключил верхнее освещение, врубил круглую лампу на раздвижной подвеске, укрепленную на стене, и разложил свои калечки на составленных вместе столах.

Леник скопировал всего шесть документов. Письмо Выборгского к Петруничеву, инструкцию по использованию врезного замка на желтой бумаге, набранную замысловатым псевдонациональным шрифтом, стихок на вырванном из тетради в косую линейку листке, картинку – огромный коричневый лось перебирается через весенний ручей. И – несколько листов из блокнота с толстой шершавой бумагой, исписанных крупными буквами полудетским почерком. Еще

ко всему этому прилагался грубо вырванный кусок старой газеты, свернутый в несколько раз и потертый на пожелтевших сгибах.

Леник не успел скопировать все полностью – в частности, инструкцию по использованию – лишь частично, да и пейзаж с лосем: сучья и корни деревьев – ему не особенно удался – все время съезжала калька.

Все они: Фельдштейн, Демура, Ульяна, Майка Городошница и Леонид Михайлович Анпиловы стояли вокруг сдвинутых столов и молча разглядывали странный набор документов, ярко высвеченный желтым кругом настенной чертежной лампы.

И тут завывла сирена экстренной связи. Потом сухой синтезированный голос сообщил: «Авральная ситуация. Все работники КБ „Запуск“ остаются на рабочих местах до понедельника. Руководство КБ доставку горячего питания гарантирует». Все на некоторое время опешили. А Леник сразу даже как-то успокоено опустился на стул и выдохнул:

– Та-а-аккк... Остров вышел из тумана.

– Э-т-тоо... Это вы имеете в виду исправлагерь на искусственно образованном ледяном острове в районе Северных морей? – срывающимся шепотом спросил Демура.

– Да... да-ааа! Именно это я имею в виду! – завопил Леонид Михайлович, – Шарашка наша заработала, наконец. Так я и знал! Так и знал, что вся эта капель и последующий сухостой – ненадолго. Так и знал!

– Э-эээээ! Ты того! – раздался из глубин машинного зала рев Пня, – Я так не договаривался! Мне наружу надо... У меня там...

– У тебя Пень, вечно дела снаружи! – Уже совершенно начальническим собранным голосом откликнулся Анпилогов. – Ты вот в этом году новую редакцию рабочего договора подписывал? Там разве не было сказано – чего ранее в договор не включали – что в случае авральных ситуаций персонал КБ «Запуск» может оставаться на территории предприятия до надлежащего указания?

– Нет, – очень серьезно ответил Пень, выходя из своей уютный тьмы, и возникая в свете чертежной лампы всем своим плотным коренастым телом. – Там была сноска: этот пункт – добровольный. Я его не подписывал.

Все молчали, а Анпилогов удивленно, приподняв брови, разглядывал стол и разложенные на нем калечки.

Судя по всему сотрудники отдела подмахнули договор, не обратив внимания на сноску. А Уля просто не могла отказаться от этого пункта – она, заранее обученный кристалльщик, многое знала из того, о чем не догадывался даже Анпилогов.

– Ну, раз не подписывал – так иди! – раздраженно проговорил начальник Отдела имитации – и протянул руку в направлении двери.

Пень долго звякал возле своего гигантского стола, набрал чего-то полный портфель и неторопливо вышел.

Все долго стояли и чего-то ждали. Анпилогов ждал определенно чего – автоматной очереди. Но не дождался.

Горячее питание, кстати, неплохо организовали. Темно-красный борщ был отменным, с золотистыми каплями поверх густой свекольно-капустной массы с островками фасоли, но Анпилогова тут же началось жжение в желудке и всяческие неприятные ощущения в горле. «Да-ааа, подумал он печально – ящики ящиками, всюду понаставили, кабелями обмотали, а без комбижира опять не обошлось...»

Весь аврал, от которого в соответствии с пунктом трудового договора отказался Пень, был направлен на установку персональных и напольных корпов – тех самых алюминиевых ящиков с разного вида экранами, окошками и прорезями, которые всего неделю назад отгрузили в отдел.

По заброшенной еще со второй мировой войны узкоколейке на территорию КБ подвели состав, груженный корпами и персонал предприятия – все как один от творческого инженерного состава до увечного с рождения садовника перевозил на тележках, перетаскивали на руках, волокли на пластиковых полозах по всем отделам и кладовым. Толстые тетki с инвентарных складов, по двое – по трое, обхватив ребристые холодные алюминиевые поверхности, тащили их в свои коморки с чайниками на застеленных цветастой клеенкой письменных столах и ухоженной жирной традесканкцией в горшочках, развешенных по стенам. Седовласые начальники

комплексов с молодежками шуточками везли телеги в свои кабинеты, застревая в дверях гудящих от напряжения грузовых лифтов.

После забежали по лестницам спорые наладчики в синих комбинезонах с ядовитым кристаллом снежинки на отложных воротниках, придерживая рукою на бедре многокарманные сумки с тестерами и отвертками – и к началу следующей бесконечной рабочей недели корпы стояли на столах и в нишах, покоились на установочных кронштейнах и свешивались с потолков на телескопических штырях. КБ «Запуск» было полностью корпотизировано. А Анпилов мучался от несварения желудка.

Только в конце недели его отпустили к семье – у жены уже был готов для него овсяной отвар.

А после заказ навалился на Анпилогова с непреодолимой силой.

Огонь. Просто реакция окисления с выделением тепла? И все зависит от калорийности топлива? Нет. В том-то и загадка. По полулегендарным описаниям прорыва в Гражданку, когда на подступах к столице был выведен на сцену военных действий огнемет ударный типа 1-19-23, прозванный потом Плещеевским огнеметом, то, по свидетельствам очевидцев – одного этого было достаточно, чтобы дивизия главного прорыва добровольческой армии внезапно отступила, оставив на поле сражения чуть ли ни половину личного состава, что до сих пор будоражит умы стратегов исторического факультета Высшей школы артиллерии.

Правда, на факультете химфизики, где Анпилогов проходил стажировку после окончания Южного политеха, в существование полумифического огнемета мало кто верил. Но легенда жила и поступивший с самого верха заказ на поиск материалов, осуществление необходимого анализа и подготовку записки о перспективах использования принципа огнемета в имитации крайне дорогостоящих испытаний основного движка изделия КЛ14, говорили о том, что наверху верят в эту идею. Причем, поскольку после последних пока неясных событий к руководству страной вернулся ни кто

иной, как опальный, всеми забытый комрад Нифонтов, то начальник отдела имитации мог предположить, что легенда тесно коснулась именно этого лица. Но Анпилогов молчал о своих наблюдениях, и решил сделать буквально все возможное, чтобы не остаться в роли низкооплачиваемого статиста в этом внезапно начавшемся шумном и красочном представлении с корпотизацией всей страны.

Ведь – и Анпилогов это понял сразу же, ознакомившись с открытой и закрытой документацией – не только стать асом, но и хоть сколь-нибудь сносным специалистом в области этой неведомой и внезапно свалившийся на него технологии он был просто не в состоянии – голова не совсем та и, к сожалению, возраст. Вот Улька закончила этот лиготехникум с «усиленным изучением ряда предметов» – пусть она и разбирается.

Итак, шесть документов.

Письмо Выборгского. Ну, здесь он предвидит открытие оксалитовой трубки, выделение одним из доступных способов элементов «Л», какую-то их очистку и обработку, и затем использование в устройствах для вычислений и управления. Причем возможности, по его предвидениям, столь высоки, что управлять можно будет как роботизированным производством так и большими массами людей – и все это на основе устройств различного назначения, устроенных, впрочем, в соответствии с одни и тем же принципом – по правилу ступеньки – гора – пропасть, подъем-провал, скачок-ребро.

Можно еще и так сказать – есть сигнал – нет сигнала, ноль – единица.

Ну что тут обсуждать – на основе двоичной арифметики и устройств, обладающих двумя устойчивыми состояниями, строили машины уже не менее трех десятков лет. Начали это делать в нескольких странах практически одновременно в – сразу после окончания мировой войны, что вполне понятно. Войны подстегивают технологию. А далее, производили их всюду с переменным успехом, но, в последние годы, наиболее удачные образцы производились на богатеньком Западе, у нас же приноровились их копировать. Но все это было крайне слабо – не хватало скорости, мощности, коммуникации оказывались излишне громоздкими, наиболее важные узлы перегревались. Расчеты, технологические ухищрения, медленное продвижение вперед... Все это было.

А ведь Выборгский предсказывал совсем иное – мгновенный прорыв – крайнее усиление сигнала, сверхпроводимость, самообучаемость, отказоустойчивость – чего же еще? И – монополия. Монополия государство на добычу в... трубках. Ведь подобного минерала, вроде бы, более нигде в мире не обнаружили. Или – тщательно скрывают обнаружение. Политика в этом вопросе иных правительств была Анпилову совершенно непонятна – переводы в журналах были крайне скудны, периодика поступала в весьма ограниченных количествах, да Анпилов и не удосужился как следует освоить ни один иностранный язык, голоса иностранных

радиостанций даже в кратковременный период капли продолжали глушить.

Оставалось предположить, что данное месторождение пока существует только в нашем государстве, и есть идеи, что трубы будут открыты и восточнее Пятого прииска.

Судя по всему, Нифонтов долгие годы, еще со времен гениального предвидения Выборгского, вынашивал планы широкомасштабного использования технологии лигокристаллов, о чем свидетельствовал последний документ из указанных. Почему-то, Анпилогов полагал, что это был блокнот Нифонтова, невесть какими путями затесавшийся в архив опального Явича, и некоторые последующие рассуждения это вполне подтверждали.

Кроме того, по поводу этого блокнота Леника потом брали сомнения очень многие годы.

Барокамера

Писака... Ох, этот писака. Ему нужно было отвечать, а Ленику очень не хотелось ему отвечать, именно сейчас, когда Ульяна пошла знакомиться с Мальпостом.

– А как так получилось, что уже первая система – КЛ14-111, в просторечье «прок», которую предложила Барокамера, дала такой серьезный эффект?

– Да, о чем тут особо говорить, все, что мы делаем – не подражательство, не передирание уже существующего – это результат опыта. Мы обобщаем опыт...

– Да, я все понял, – поморщился писака – А опыт чего, Леонид Михайлович? Тот опыт, что вы накопили, работая с лиготехникой?

– Это вы зря, господин Сокулер, все мы плыли в одной лодке, и не вам судить... – повысил голос Анпилогов.

Ему было совершенно не до этих разбирательств. Он слишком опасался подвоха со стороны иного лица, и ему было необходимо все это устранить. Или хотя бы притормозить.

Он невежливо бросил Максима и направился наружу.

Развал перед конюшней ему не нравился, но Анпилогов

туда пошел. Перед входом в конюшню оформители нагородили декоративных пней с вывороченными и залакированными корнями, и Леник все думал эти излишества поубирать.

Заглянув в стойла, в эту галерею или анфиладу со скульптурными головами лошадей – он полюбовался на давние и недавние приобретения. Добрался до отсека Мальпоста – большого черного коня, которого ему сосватал Гера Фельдштейн – уж у кого он его перекупил, понять было невозможно – и вывел Мальпоста в манеж. Потом оба они пооставляли топкие следы в песке, пообтирались боками-плечами, разжевали одну на двоих подсоленную горбушку и Анпилогов, поглаживая Мальпоста по атласной щеке, пошептал ему...

Потом Мальпост стал занят. Кто-то шел к манежу, возможно, кто-то из обслуживающих конюшню девчушек – конюшни ведь всегда обслуживают низкорослые мускулистые девчушки в старых кожаных куртках – и Мальпост занялся этим. Он высвободился из рук Анпилогова, плавно отошел, правда, быстро меняя скорость движений, а затем, подойдя к цепной ограде, задрожал кожей, отнял от песка сразу два огромных черных копыта, взбрыкнул, и вдруг конец живота его, прибывавшийся к задним ногам выбрасился, отяжелел, и гигантский даже для огромного тела высокого коня отросток выпростался из кожных покровов – а извивистый оглушительный крик дополнил этот выброс.

– Ну и ладно, ну и понял... – пробормотал Анпилогов,

отходя от манежа.

Девчушку в изгрызенной на плечах порыжевшей кожаной куртке, низкорослую, мускулистую и слегка кривоногую, он повстречал по дороге и сунул ей – очень настоятельно – дурманно пахучую ржаную корку в маленькую крепкую замызганную ладонь, сказав: «Дамскому любимцу». Девчушка положила корку в карман, сплюнула в сторону, кивнула: «Иес, сэр...» – и, даже не взглянув на коня, повернула к стойлам.

Но писака снова достал едва возвратившегося Леника. Подслеповато сморщившись, он проговорил, не открывая глаз:

– Не все мы – в одной лодке, и кое-кто может... и судить..., – потом даже шмыгнул носом. – А, скажем, тот опыт, что вы приобрели, трудясь на Ледострове? Ведь служили там, так ведь, Леонид Михайлович?

Анпилогов уставился на писаку Максима Сокулера, помедлил, потом твердо сказал:

– Да, вы это точно отметили. Как вас по имени-отчеству?

– Максим.

– Отлично, Максим. Это есть во всех сносках обо мне. Не секрет. На прохождение армейской службы я был направлен в распоряжение 21-части дивизии Хран, которая патрулировала Северные прииски по всей территории государства. Да, на экспериментальном объекте Ледостров использовался труд заключенных, причем отнюдь не только физический, но и интеллектуальный.

– И одним из ваших подопечных был Федор Выборгский – кличка Явич?

– Это вы тоже обнаружили в открытых публикациях?

Писака Макс поерзал сигаретой в кристально чистой пепельнице, причем уже начавший раздражаться Леник обратил внимание, какие у Сокулера белые руки – даже ногти белесые, ровные, бескровные. И было такое ощущение, что в поры кожи на руках въелся то ли какой-то порошок, то ли мазь... Наверное, болезнь какая-то, – подумал Леник.

– Да нет. Я ничего особо не искал, слухом полнится... пространство и время.

– Хорошо, (буква «ш» проваливалась в горло Леника, и у него, когда он начинал злиться, получалось: «хорохо»). – Я скажу, произнесу, приисповедаюсь, бутер-р-р... слоеный...

– Это, что у вас, простите, лагерный или, скорее, островной жаргон?

– Д-дда... Федор Иванович Выборгский не признавал крепких выражений – вот и приходилось заниматься изобретательством.

– И что же – общие принципы учения вертикалистов для создания системы анализа предокаменелых слоев вы освоили именно там?

– Ну, у меня было четыре курса местного политеха – забрали-то меня с пятого курса за... – ну, это уже неважно – так что рассуждения Явича в спецстоловке я слушал во все уши. И основные принципы верикалистов – да, это оттуда.

Максим поджал губы, как-то очень глубоко, при этом его довольно большая верхняя губа свернулась вовнутрь, оставив голую побелевшую от напряжения кожу под носом:

– Ладно, об этих – выделяя последнее слово, сказал Сокулер, – принципах мы пока забудем. Значит, на их основе была продумана система предокаменелых слоев и создан приисковый объект?

– Да, остров на шельфе северных морей на каркасе из легких металлоконструкций с искусственным ледовым покрытием. Система поиска – тоже вылилась оттуда. Но дело же, в конце-концов, не в этом, – распалился Анпилогов, подстрекаемый тайной и непонятной ему презрительной злобой писаки Сокулера и постоянной, фоновой мыслью о прибытии вороного коня Мальпоста, – дело в сложившемся в то время и в том месте круге людей, ученых, инженеров...

– А под «тем» местом, вы понимаете лагерь особого назначения возле прибрежного населенного пункта Кыюк и расположенного неподалеку образцового города вольных поселенцев Нифонтовска Северного? Лагерь, в котором из десяти заключенных выживало двое, да и то из той категории, что питались в спецстоловке?

Ледостров

Непроницаемая, словно нагретое машинное масло глубокая вода лежала возле борта лодки, шли короткие приказы, заказные гребли, тяжело всхрапывая при каждом гребке. Снизу, от масляной воды остров открывался гигантской толстой белой пробкой, плавающей в масле. Стены, отливающие изумрудкой, в которых в глубокой внутренней зелени просматривался металлический скелет, приближались. Лодка подошла к дыре в нижней, видимой над водой части пробки, и люди по одному влезли внутрь. Поднимались по спиральной металлической, низко гудящей лестнице, обдирая бока о перила, рассчитанные на стандартные габариты человека и приминающейся одежды. Но Анпилову еще необходимо было втиснуть туда согнутые в локтях руки, выпирающий автомат, карманы, набитые приплюсом для заказных, какими-то вечными их бумажками, текстолитовыми пластинами и прочим дерьмом. Все это никак нельзя было сложить в вещмешок, потому что вещмешок могли проверить — до карманов же охраны на глубинных уровнях ни у кого доступа не было.

Пошли гуськом, но не вверх, а вниз. Вниз было шесть эта-

жей – вверх три. Наверху-то что? Тот, что вровень с водой – этаж вертухаев. Им вышки, как на материке – ни к чему. Кто в такую ледяную воду кинется? А вот шлюзы, подходы к острову – их следует охранять. Здесь и посты и казармы. Здесь ночевал и Анпилогов. И здесь всосались вся ненависть и все зло, которые потом жили в нем.

Выше шел этаж полковников – здесь рядовой Анпилогов никогда не бывал, но именно оттуда поступали приказы, сюда ползли медные телефонные провода и летели радиogramмы с материка, и этот этаж был продолжением ненависти.

А на самом верху как раз и находилось то, ради чего все создавалось и гибли люди. Там – где ровным бесцветным слоем, а где специально устроенными ледчатыми заторами, переливающимися горами-айсбергами, горбатыми торосами и мелкой гутьбой – лежал искусственно намороженный лед. Правда, лед пронизывал весь остров – он составлял его основу, окутывал со всех сторон, составлял главный поплавок снизу, под конструкциями.

Помимо льда здесь были ангары для оборудования, которое могло понадобиться в любую минуту, наблюдательные инженерные посты и – самое основное – три нефтяные вышки, из сердцевины которых, вглубь, к шельфу, шли бесконечно длинные вертикальные трубы-шахты. От вертухайского этажа до самого низу простирались инженерные службы – генераторные, вакуумные, холодильные, котловые.

Здесь стоял бесконечный гул, сновали полуголые мураши

с лопатами и гаечными ключами. Внизу же, под инженерными, шли склады, полные ячеек-резервуаров, еще ниже – казармы для мурашей и заказных, а в толще, в самой низу, то есть, вроде бы, в аду, находился, наоборот – местный вымученный рай.

Здесь образовался вспомогательный складской этаж, куда спускали сухие отходы, залежалые груды, списанные механизмы, пустые канистры. В то же время, здесь было довольно много запасных пустующих отсеков, где мудрецы-заказные устроили себе рекреацию и, как говорил Явич, последнюю аптеку.

Здесь в ящиках из-под винтовок, в опилках из столярки, Явич развел грибные грядки и густые заросли крапивы. Споры он привез с материка в кармане, там же сохранил и несколько крапивных корней. Сюда он натащил мешков с еловыми ветками и корой, которые умудрился заказать, якобы, для полковничьей бани – для наведения запаха. Хотя такими ветками никакого запаха создавать не принято.

И еще там стояли корзины с мелкой каменной крошкой – Явич уверял, что это – для абсорбции вредных газов, хотя заказные только удивленно поднимали брови.

Урожай грибов собирали несколько раз в месяц, варили похлебку или жарили на углях, добытых с топливного этажа. Похлебку Явич давал самым слабым, а жевать кору и хвою велел всем из заказников. И, хотя рядового Анпилогова кормили остатками с вертухайской столовки, Явич заставлял и

его жевать кору. Зубы выпадали не только у заключенных.

Устраивать подобное – ящики с грибами и ростками крапивы, мешки с корой и корзины с мелкой каменной крошкой, можно было только на острове, потому что это было необычное место, и, несмотря на строжайший режим, Ледостров производил на многих впечатление почти магическое, неземное, или, как стало принято говорить в последнее время – внетерриальное. Именно поэтому отношения между обычными заключенными – мурашами, учеными и инженерами, которые работали над конструкцией острова, и над иными никому не известными задачами – заказными, то есть доставленными сюда по заказу (а, видимо, и арестованными в свое время тоже по чьему-то заказу) сложились совсем не такие, как на материке. Бежать отсюда было практически невозможно, опытные, да и просто привыкшие с тяжелейшей местной обстановке люди – крайне необходимы, без них всем было бы просто не выжить. Поэтому на рай закрывали глаза.

В тот раз конвой привез новую партию заказных, и рядовой Анпилогов вместе с двумя ребятами из служб повел их на второй этаж. Там уже собрались инженерные подполковники и старики заказные, которые строили остров с самого начала, да и работали над его чертежами еще на материке, под городом Нифонтовском.

Сделали перекличку, отметили списки, а потом из группы стариков заказных вышел высокий мужик в особом про-

резиненной ватнике, отлично подогнанным по фигуре, так, чтобы не было никаких выпуклостей и зазоров, не приникали жестокий ветер и вода (что у заказных встречалось редко и указывало на непростое положение заключенного), с гордо посаженной головой, с не выбритыми до корней, а с откинутыми назад, правда уже сильно поредевшими волосами, осмотрел прибывших и громко и властно спросил:

– С физико-математическим образованием есть? Топология, теория графов, сложные структуры?

Сначала все задавленно молчали, а самый тихий полковник искал что-то в бумагах. Потом отчаянно дернулся человек с длинным бритым черепом и небольшими синими глазами на красном, болезненно обветренном лице:

– Я!

– Кто это – я?

– Да Федор, нашли же уже! – нетерпеливо заворчал тихий полковник, – это действительно, человек из математического института, академический НИИ, доктор... погоди... очки сползли, доктор физмат-наук, работы в области квантовой механики...

– Свободен, проходи! – скомандовал высокий Федор в непромокаемом ватнике и увел математика за собой.

Демура

Дом стоял перед ними, раскрытый как тетрадка. Узкие окна— клетки рядами уходили вверх и кое-где были подкрашены оранжевым и голубоватым. С двух сторон стерегли дом прикрытые навесами подъезды, и как два полуткрытых рта зияли над ними овальные застекленные отверстия.

Уля дрожала, Николай прижимался спиной к спинке лавочки и видел эту дрожь на ее губах.

– Выбирай себе окно, – сказал он.

– Вот, вот это, – ответила Уля.

– Это? – указал куда-то Николай.

– Нет, третье от рыжего.

– Почему именно это?

– Я хочу быть там.

– Ну, пойдем.

– Нет, правда?

– Правда. Я там живу.

Но она все же не двигалась, словно хотела спросить и спросила.

– Что ты делал... Что ты делал там с моей рукой?

– Да. С рукой.

Николай унесся обратно сквозь теплый воздух над всей их путанной, перечерченной теньями дорогой, заглянул в красное окно под крышей фабрики и заметил там спящего пожарного, потом попал обратно в душный зал де-ка и забрал себе ее руку.

Нет. У нее была просто горячая влажная рука. Нежная, с мягкой, но негладкой кожей. Все.

– Что ты делал с ней? Я подумала, что заболела.

Уля встала, прошла к подъезду и обернулась к Николаю. Тогда Николай преодолел эти несколько метров до ступенек, открыл дверь, нашел в темноте Улю, взял за плечи, провел впереди себя по лестнице на третий этаж, повернул к обитой черным дерматином двери и достал ключи..

Уля тут же отпрянула, изумленно уставилась на ключи, но дала провести себя по коридору и повернуть к комнате, потом, уже внутри, села на стул возле двери.

Николай засветил трехрожковую люстру на слишком короткой для такого высокого потолка ноге, и Уля стала оглядываться. В комнате были только темный массивный старый шкаф с зеркалом и полуторный раздвинутый диван-кровать с выцветшей обивкой. Окно – голое.

Уля сидела на своем стуле, острые колени торчали из-под бордового платья, ступни, казавшиеся неожиданно большими под тонкими костями щиколоток, она, видимо, стесняясь стоптанных туфель на низком каблуке, запрятала подальше, под стул.

– А я думала, что этого дома вовсе не существует, что нам только кажется. А у тебя нашлись ключи. Железные.

Она вцепилась пальцами в края сидения стула, скруглила спину, сзади на шее топорщился уже кое-как сколотый пук волос, и казалась черепашкой, выглядывающей из-под панциря. Лицо бледное, усталое, полные неряшливые губы покрылись морщинами и покоричневели.

– Я действительно здесь жил. С мамой, – сказал он. – А сейчас она решила с родственниками съезжаться. Вот, перевезлала все вещи туда.

– У-у-гум, – протянула Уля, вытащила из-под себя ладони и стала разглядывать пятно на обоях.

Николай прижался к косяку двери, постоял так и вдруг понял, что протяни они вот так еще минуту...

Он резко щелкнул выключателем, и окно втянуло сюда лоснящийся поворот реки и отражения фонарей.

Когда его глаза привыкли к темноте, справа выступила светлая ниша в стене, темный диван в ней и слитный, сгорбившийся силуэт с самого края, на фоне окна. Николай сначала не понял, что это – ведь Уля только что была рядом с ним и с дверью, на стуле. От силуэта отделились две белые полосы рук и протянулись в его сторону.

Николай шагнул, притиснулся к дивану, и она ткнулась ему в живот, прижалась к бедрам и держала его очень крепко. Николай попробовал приподнять Улю, но она не поддавалась. Потом хватка ослабла, Уля отползла в темный угол

ниши. Николай так и остался стоять, принуждая себя смотреть в окно. А когда вновь повернул к Уле голову – увидел ее в белой, светящейся сейчас, сорочке, сжатую в комок.

Он отошел, разделся, снова, как замороженный остановился против окна, и вдруг почувствовал пространство пустой комнаты и холод.

Глядя на светящуюся улину спину, он решил, что ей тоже холодно, и ему стало ее жаль, и от этого – легко лечь и обхватить белый комок, чтобы согреть его.

Но Уля оказалась неожиданно горячей. Стоило ему прикоснуться, как она задвигалась, перемещаясь, перевернулась лицом к нему, но видно стало неудобно, и Николай почувствовал, как, в него уперлись ее колени, потом локоть, потом она, видимо, отчаялась и замерла в неустойчивой, промежуточной, напряженной позе. Николай попытался найти выход, взял ее за плечи, протиснулся к губам, но поцелуй замялся, затянулся, как резина. Тогда он откинулся на спину, в голове носились обрывки их бега по набережной, укором веяла пустота комнаты. Он прикрыл глаза. Ули близко уже не было, потом что-то скользкое, холодное пронеслось над ним, лизнуло нос, Николай посмотрел в сторону стены.

Выпрямившись, вполоборота к нему, на коленях сидела Уля, острым углом лежали на спине волосы, и светлое свободное тело дышало из-под них. Ровная линия ее прижатой к телу руки переходила в неожиданный, молочно белый, слегка мерцающий всплеск, и чуть выше волосы полностью по-

крывали повернутую в сторону стены голову.

И тут же Николай, словно бы сверху, увидел себя: как лежит на краю дивана в темных сбившихся трусах, тесно и узко обхватившей плечи майке, лежит такой же, как стоял сейчас перед беспощадным окном. А ведь и окно, и женщина с жестокими глазами, уплывающая среди факелов – они указывали, ждали, требовали – резко.

Только почувствовав себя свободным, совсем белым на черной плоскости дивана, ощутив сплошной неодетой кожей его шершавую поверхность, каждой своей клеткой – отчужденный холод комнаты, он опустил Улю на спину.

В ней не осталось уже острого, жесткого, сухого. Но потом Уля снова высвободилась, отсоединилась, села рядом. Глаза ее словно выросли и были очень внимательны.

Она сдвинула ладони большими пальцами друг к другу, плоско, и провела ими по нему, лежащему неподвижно, от шеи до колен, сильно вдавливая ладони, иногда приостанавливаясь, будто слепой, ощупывающий лицо незнакомого человека. Потом она так сделала еще раз, и еще, все также внимательно и удивленно глядя на Николая.

Когда вдруг возникло именно то, что почувствовал он, скользя вдоль зеленой стены возле кассы, волной пронеслось от головы книзу, к животу, он вырвал себя из ее рук и захватил. Но тут же она свернулась, заострилась, он уминал все ее углы, неожиданно сильные бедра. Но все же в ней жил его союзник, Николай примял ее и вошел.

Борьба отошла, он приподнялся и посмотрел на Улю. Она оказалась сжатая, зажмурившаяся. Но, только поняв, что он отстранился, Уля тут же влилась, и он снова ощутил-увидел, как единым цепким взглядом – все в ней: шелковую упругость каждого волоска, складки кожи, прозрачную мягкость груди. Во всем уже жила благодарность, она жалась все сильнее и быстро-быстро гладила его по спине, по всему телу, насколько хватало ее вытянутых, быстро работающих рук.

Николай уже перестал чувствовать власть над собой, и повернулся к Уле. Глаза ее, словно уменьшились, расползлись далеко друг от друга, выделились скулы.

– О-о, я даже не ждала. Так странно. Ты – красивый. Все-все! – Она приподняла его за плечи, взглянула, и снова опустила. – все очень красиво. Каждый поворот.

– Уль, перестань! – он потянулся за одеждой.

– Ага, – ответила Уля. – погоди, я не буду говорить сейчас. Я рваная вся.

Окно замолкло, еще более почернело перед рассветом. Ночной бег замер, словно удовлетворенный сделанным.

Утром, ровно в полдевятого Николай сел на свой стул и увидел кривляние графиков на желто-коричневой миллиметровке.

– Майя, что это?

– У нас пошли колебания. Так что отчет тебе сдать не удастся, дорогой! – ядовито заявила Городошница.

Как всегда, возле подоконника, Николай видел Улю. Она

была сегодня в мягкой розовой кофте, и ее темная голова со слегка наэлектризованными волосками, выбившимися из пучка, снова казалась серединой цветка.

– Хочу в Австралию, – проговорила Майя, сгребая у него со стола бумаги с графиками.

– Кто брал эти показания с моделей? – спросил Николай.

– Улька, конечно. Надо же так. Я всегда все делала сама. А сейчас вот поручила ей. Нужно же человеку дать хоть какое-то дело. И вот теперь – ни отчета, ни премии. Знаешь, Коль – я кажется, на грани...

– На грани чего? – Николай задумался. – Кстати, почему говорят «на грани»? Ведь грань куба – плоская, состояние весьма устойчивое, обширное. С него – не упадешь.

Уля встала и повернулась так, что из эркера на нее вылился свет.

– На грани, на грани... – проговорил Демура, покачиваясь на стуле. – Нет, не так. На ребре! Вот это будет точно.

Стул вдруг ошетинился, встал на дыбы, ножки заскользили, и Николай свалился назад, на почерневший от грязной швабры паркет, увлекая за собой изрисованный от нечего делать лист ватмана, вороха перфолент, ластики и кучу скрепок.

Он упал неловко, и ему было очень больно.

Имитация

Судя по всему, Нифонтов долгие годы, еще со времени гениального предвидения Выборгского, вынашивал планы широкомасштабного использования технологии лигокристаллов, о чем свидетельствовал один из обнаруженных документов. Почему-то, Анпилогов полагал, что это был блокнот Нифонтова, невесть какими путями затесавшийся в архив опального Явича.

В блокноте писал человек, обладающий полудетским почерком, писал он не слитно, а крупными, похожими на печатные, буквами. Ленику казалось, что он видел этот почерк когда-то в детстве, и это было связано именно с Нифонтовым. «Поперву добыть чудесный минерал, а после делать из него машины, либо какие гайки. Но – чтоб все свое, все в своем дому. Никому из буржуев сам минерал не продавать. Первое: добыть минерал, весь, сколько можно. Второе: делать машины и продавать буржуям. Понастроить заводов, покрыть хоть все земли – и пахотные тож – теми заводами. Третье: народ переуправить. Каждому поставить в дом машинно зеркало и окно – чтоб на себя смотрел и исправлялся, а окно, чтоб за ним глядеть. Четвертое: на деньги от буржу-

ев сделать боевые машины, буржуев согнать, а их народ переуправить. А дальше делать такие повозки-стрелы, чтобы добраться к шустрым на самую вертикаль».

– А хозяин-то блокнота смоделировал нечто очень похожее на нынешнее положение вещей, – пробормотал Леник, – Оче-ч-ень даже похожее.

Дальше шли инструкция, стихи и картинка, и клок газеты.

Пень, как ни в чем не бывало, явился в понедельник на рабочее место и приволок свой позвякивающий портфель.

– Ну, все контрабандные магнитофоны починил? – сурово спросил Анпилогов, по-прежнему ощущая противное жжение в желудке и какую-то гарь во рту.

– Я, кажется, прибыл вовремя? До звонка?

– До звонка, до звонка, как раз за минуту... – проворчал Леник, а сотрудники посмотрели на Пня с усталым осуждением – ведь он пропустил все нелегкие авральные дни.

Пень отвернулся, как часто отворачиваются родители, когда дети несут надоевшие глупости или просят купить ненужную и недешевую вещь. При этом Леонид Михайлович не столько сердился на Пня, сколько боялся возможных неприятностей. Поэтому, когда ближе к обеду в отдел вошел высокий чернявый военный, оправляя под широким ремнем синюю гимнастерку и поскрипывая высокими зашнурованными ботинками, начальник отдела ощутил приступ тяжелой тошноты.

– Подполковник Синицын – представился экзекутор и Ан-

пилогов, скривясь, боком, скептически приоткрывая левый клычок, направился ему навстречу.

– Пень, не вставая, повернулся вместе со стулом навстречу Синицыну и еле заметно покивал головой, напрягая лицо, чтобы не засмеяться.

– Здорово, Паш! – рывкнул Синицын и зачесал пятерней назад все время рассыпавшиеся на прямой пробор пепельные волосы.

– А-аа... вы, собственно знакомы, – играя в просвещенного, развел руками Анпилогов, еще не сообразивший – бежать ему в туалет или обойдется.

– В том-то главная... фишка... хитрость, Леонид Михайч, что знакомы. Вместе учились... в балетной школе.

Пень хмыкнул. Вид у него был такой, как у тех самых родителей, которые хотят задобрить детей, подкупить чем-то или просто помочь – ведь с ними жить и жить, в конце концов.

– Ты ему покажь, – мотнул головой Пень, – калечки свои продемонстрируй, начальник.

– А стоит? – решил разрядить обстановку и хоть в чем-то оперативно разобраться осторожный Леник.

– Стоит, Леня, – пожевал губами Пень. – Синичка у нас – криптограф со стажем. Он клюет по зернышку, но предпочитает сольце.

Тут Анпилогов представил себе аккуратно разложенное на чистой тарелке с ажурными краями на столе у Веруни ку-

сочек жирной грудинки и ему стало вовсе плохо. Леник ки-
нулся на лестничную площадку, потом по серым гранитным
ступеням спустился, зажимая рот, на один пролет, пробежал
по выкрашенному темно болотной масляной краской кори-
дорчику и исчез за шершавой, покрытой многолетними на-
слоениями коричневой краски дверью с черным силуэтом
дореволюционного мужчины в шляпе-котелке.

Когда он возвратился на половину Климаши, Пень с Си-
ницыным, притянув ту самую круглую лампу, разглядывали
кальки. За ними стоял высокий худой Демура, рассуждал о
чем-то, разводил руками, иногда наклонялся над копиями
документов, и тогда на глянцевые листы с россыпью каран-
дашных знаков падала ажурная тень его густых волос, стоя-
щих ореолом надо лбом.

– Ты!!! – завопил Анпилогов, выкатив глаза на Пня. – Где
взял!.. Кх-х-xxx! – заглотнулась буква в его крупное нутро, –
Как посмел?!

– Да ну ты, Леник... – отмахнулся Пень, – ты бы получше
программировал сейф. А то – тоже мне... цифири выставил.

– Ладно, ладно, ребята, не ссорьтесь, – небрежно попы-
тался их успокоить подполковник Синицын, – Здесь мы име-
ем минимум три очень интересных вида кодировки. Первый
– это инструкция. Тут, по всей видимости, зашифрован до-
вольно длинный текст, возможно и основной принцип дей-
ствия огневой машины. Предполагаю, что химические фор-
мулы используемых веществ – не зря документ связан с про-

стым, но все же механизмом – какие-то технические характеристики. Далее – картинка с лосем. Это такой вид стеганографии – тайнописи, где может быть зашифровано все, что угодно, но смею предположить, что здесь принцип основного узла. И – стихи... Леса, озера, лунный свет... Вот – и не знаю, – Синицын пожал плечами, усиленными ватным подбивом синей гимнастерки и погонами с перекрещенными телефонными трубками, обозначающими войска связи, – Ох, не знаю, не знаю пока...

Подполковник говорил еще медленно и размышлительно, но чувствовалось, что если увлечется, разохочется к разговору – то окажется очень болтлив и горяч.

Леонид Михайлович слушал его с по-прежнему слегка выпученными, обалделыми глазками, но постепенно глаза стали усыхать, приобретая обычную весьма органичную форму, Анпилогов провел рукой с коротковатыми, пухлыми у основания, но заостренными к концам пальцами по лицу, и проговорил.

– А отчего это вы, подполковник Синицын, решили, что все так просто. Что тут вам – и принцип действия, и формулы, и чертеж – и все, что хотите. Отчего не предположить фрагментарность данных документов. Я бы, во всяком случае, на месте создателей единственной в своем роде огневой машины – распределил сведения о ней по разным хранилищам.

– И составил некий путеводитель – например – в стихах, –

добавил Демура.

– Стихи – штука такая... – начал рассуждать Синицын. – Это на самом деле текст, несущий минимум информации, ибо каждая предыдущая строчка предопределяет последующую – ведь необходима рифма. Чем больше предопределенности – тем меньше информации.

– Не скажите, – вновь заметил Демура, приподняв вверх ровный белый указательный палец. – Стихи несут огромную эмоциональную информацию, и на этом зиждется их очень продолжительное существование.

– О чем мы говорим, коллеги! – завопил Анпилогов. – Что за будда, в конце концов! Вы мне проясните, уважаемые взломщики, что вас так заинтересовало в моих совершенно случайно подобранных бумажках? Может, я их с помойки принес? Может, мне селедку не во что заворачивать? Подполковника-связиста притащили... С чего бы это? И откуда у вас, дорогой сотрудник, вообще доступ в наш отдел третьей степени секретности?

Синицын встал, провел рукою по вислым густым усам, поднял руку к виску, щелкнул каблуками ботинок и достал из нагрудного кармана картонную карточку, запаянную в стекло. На карточке значилось.

«Подполковник службы связи Министерства объединенных систем. Прикомандирован к отделу имитации для поведения спецопераций. Допуск нулевой категории».

Синицын Ленику скорее не нравился. Он раздражал Леника. Громкий, гнусоватый голос Синицына, как бы сливался в представлениях Леника с Синицынскими висячими усами, как будто речи эти издавали как раз усы. Спросить, есть ли какие-либо мысли по поводу набора, Леник некоторое время боялся – а вдруг Синицын продолжает прощупывать его и при разговоре начнет лезть в мысли, в сознание... Анпилогов знал, что подобные вещи уже делают, но что такое Синицын?..

Тем не менее, все методики, собранные в открытых и закрытых источниках, постепенно были отброшены. Разговор следовало затевать, и Леник дождался, когда Демура, Пень и Синицын засели на климашиной половине под круглой лампой, и подсел к ним. Говорили о Дворовом.

Когда Леник начал к ним подсаживаться, обсуждали любвеобильность Дворового.

– Да к нему бегают даже девочки из приемной... А вы говорите!.. – доказывал Синицын, – Легкая сплюснутость его башки ровно ничего не доказывает. Кстати, у него в левой части лба наблюдается шрам, и я бы даже предположил, что над Дворовым производили эксперимент, и, предположим, вшили микрокорп с определенными функциями. Ведь ходили разговоры, что над умственно отсталыми людьми...

– Ага, – добавил Пень. – И фокус не удался, и вся интеллектуальная мощь вылилась в мощь мужскую...

– А ты вот хочешь мне доказать, что это вещи настолько противоположные, что подобная трансформация невозможна? – Продолжал провокацию Сеницын.

Из тьмы за звяканьем запчастей раздался возглас Пня:
– Ба!

Х-ххе!..Ххх-еее! Леонид Михалыч, вы меня не слушайте, я говорю-говарю, остановиться не могу!.. – ерничал дальше Сеницын, зафиксировав подсаживание Анпилогова, – Говорят, некоторое время назад – еще до кристаллизации, Домовой там... ну с дамой из техотдела... в модельном зале, на большом доводочном столе, меж верстаков! А потом, вкатилась комиссия из министерства – существовала договоренность, что изделие А подлежит демонстрации... в общем, не суть важно. Так комиссия вошла – а они друг на друге. И...

– И? – сурово спросил Анпилогов. Он выделил на разговор с Сеницыным час, а время шло в пустоте.

– И-ххх! – зашипел, зажался в смех Сеницын, да и Демур со смешливыми глазами уставился в сеницынские усы, – так их и транспортировали на носилках друг на друге. Психологический коллапс. В медсанчасть.

– Ба! – откликнулся Пень.

– Нет, нравится мне, эта семейственность, бытовитость нашей зазаборной жизни, – мягко, но уже с суровыми нотками, начал Анпилогов. Он очень не любил находиться не

в центре разговора, и доминирование Сеницына раздражало, — да и вообще сидение под лампой, конечно вызывает... — постепенно Леник втягивался в свою вкусную речь, с масляным заглатыванием букв, — тем не менее, сроки, как говорится, не просто поджигают, а затягивают петлей, так что...

— А тогда, сказал Сеницын, — нужно говорить совсем по другому. Поначалу сообщу — анализ текста инструкции и стишка практически ничего не дал. Если там и есть определенный код, то ключ к нему найти не предоставлялось возможным. Особенно же меня занимала инструкция, поскольку там были чертежи, а всякий чертеж мог, в принципе, в развороте, предоставить определенный интерес.

— Как это в развороте? Там и был-то всего какой-то ерундовый замок.

— Да, замок, — подтвердил Сеницын, — но, если уже имеется чертеж, то все его детали — узлы, плоскости, резьбы, винты, гайки — да все что угодно, может оказаться лишь знаком — надводной, нескрытой частью айсберга. Каждая деталь чертежа может иметь разворот — проекцию в другую плоскость, расположенную под углом к видимой. Это, как если бы из этой точки поднялось некое растение — ветвящееся, объемное. Может быть — это пальма, а может и карликовая береза, пригнутая низко к земле. Помните, бывают такие игрушки — книжки. Берешь в руки — книга, а раскрываешь, сложенные до того плоскости раздвигаются и получаются подобие объемной картинке с плоскими же, но расположенными на рассто-

нении друг от друга фигурами. Причем фигуры могут представлять собой тоже псевдообъемные конструкции, сложенные гармошкой под разными углами – ну, как японские оригами. Но вот этот подводный мир нужно как-то раскрыть.

– А с чего это ты решил, что у замка двойное дно? – спросил Анпилогов.

– Да здесь полно малофункциональных деталей. Вот зачем эта, скажем, планка наверху?

– Декор.

– Но она же утяжеляет всю конструкцию. К тому же, осложняет работу выдвижного механизма... видишь, вот здесь штырек мог бы...

– Погоди, погоди... Но это же все отпечатано типографским способом. Видишь, пожелтевший такой, мятый, драгенький даже листок. Значит эти замки продавали, вкладывали бумажку в коробку.

– Ну, это еще вопрос. В те времена замок с инструкцией к пользованию вообще был редкостью, и вещь скорее всего недешевой. Значит, сделали их мало. К тому же вполне могли выпустить небольшую партию этих малофункциональных, ну, скажем так, неудачных устройств и забыть на складе. Может, их и не распродали, а если и распродали, то никто и не подозревал, что инструкция – с двойным дном. Это могли сделать специально. Потом, скорее всего всю партию замков уничтожили, оставили только несколько экземпляров...

– Ну, ты даешь... А в принципе, можно по этому чертежу хоть в какой-то степени воссоздать то, что мы ищем?

– Да это может быть вовсе какая-нибудь малозначительная деталь. А на самом деле таких деталей в огнемете, скажем, тысяча!

Синицын с таким удовольствием и так шипяще произнес это – «тыща!», что Леник решил – дело безнадежно проиграно.

– Но, с другой стороны, – продолжал подполковник, нам же нужен сам принцип – центральный орган машины. Может это он здесь и запрятан – кто знает?

– А тебе как кажется?

– Мне? – Синицын демонстративно поднял газа к потолку, зашевелил усами, будто что-то подсчитывая, и сказал, – На самом деле, в этом чертеже есть все, на чем можно было бы развернуть сложную конструкцию. Но по какому принципу разворачивать? Под какими углами, сколько подобных элементов, какой крепеж? Да и потом – ладно чертеж. Нам же нужен состав топлива, или не топлива... Ну, этой энергетической смеси... Короче говоря, если ты, Анпилогов, что и нащупал, то это только малая часть всего.

– Не верю я, что это малая часть. Слишком тщательно подобрано, и, думаю, мужик, который все это выискивал, а я его знаю – но про Явича пока смолчал, – мужик очень крепкий и нашел он все...

– Все, что смог. Это не значит, что все, – серьезно ска-

зал Синицын. – Ну, а теперь о главном. Мы можем гадать и заниматься итерациями сколько угодно времени, тем более, что соответствующая техника у нас уже имеется, только мы еще совсем не умеем с ней управляться и не понаписали соответствующих программных текстов... Потому нам необходим ключ!

У Майки Городошницы была нагрузка. По понедельникам она проводила политинформацию, и всякий старался найти в этот момент какое-нибудь важное дело, оправдывающее его отсутствие. Синицын срочно бежал на семинар криптографов, Улю именно в это время консультировали в лиготехникуме, Фельдштейн подряжался оборудовать очередную лабораторию, Пень вообще и всегда был «очень занят»... Но на самом деле кто-то да утром в понедельник заезывался на Первой территории и глядел в окно на выложивший свои лапы на подоконник темный клен. Анпилову по должности приходилось присутствовать обязательно.

Майка поднаторела в подобных мероприятиях и говорила скоро, не рассусоливая, чисто номинально, время от времени приостанавливая текучую речь: «Вопросы есть?».

Ее острая мордочка, гладенькая, моложавая, быстро поворачивалась на аккуратной шейке слева направо, ровно подведенные, с отрепетировано загнутыми ресницами карие глазки обводили случайно присутствующих, потом Майка радостно складывала листочки с заготовленными тезисами и стучала папкой по столу: «Ну, все!».

Но на этот раз на Первой задержались Гера Фельдштейн, Синицын и Уля, а потом даже прибрел Пень. Они слушали про совершенно абсурдные заявления заэкранных агентств,

о том, что добыча лигосодержащей породы идет на спад, а на самом деле в прошлом месяце было добыто... В то же время наши успехи в астросфере... Пущена в строй вторая очередь Ошаловской станции слежения за астросферными объектами... Выступление Петруничева на Международной ассамблее... Всех поразила его жизненная энергия, сохраненная молодость и ясность мысли...

А когда она стукнула папкой, собираясь закончить доклад, Фельдштейн вдруг спросил:

– А про то, как Нифонтов-то с Петруничевым помирились, ничего не говорят?

– А что, было официально объявлено, что они ссорились... расходились во мнениях? – бегло отпарировала Майка.

– А ведь действительно говорили... нечто такое, – задумчиво проговорил Сеницын, – в самом начале капели, помните, на пленуме, Петруничев выразился довольно ясно: «В условиях надвигающегося энергетического кризиса, руководству страны необходимо очень внимательно отнестись к изысканию возможностей поиска новых источников энергии, к поддержке изобретательства, к поощрению технологических инициатив. Все это должно зиждиться на материальном стимулировании, на определенной свободе решений, что предполагает...»

– То есть ты хочешь сказать, что Нифонтов был в корне против «свободы решений»? – вступил Леник.

– Ну да, там была формулировка: «Даже...»... как это...

«Даже самые опытные наши соратники в какой-то момент не в состоянии поступиться, хотя бы на время, ранее выработанными принципами... Ведь при всей мощи и при всем опыте ведущих руководителей страны, они не в состоянии охватить все, поэтому только свобода решений отдельных талантливых людей, не зашоренных постоянными заботами о благе...»

— Ага, вот оно что, — рассудительно сказал Гера — Петруничев назвал Нифонтова зашоренным, и тот отбыл в «небольшой провинциальный городок на севере страны». Ты, Анпилов, уж наверняка бывал ли в этом городке, носящем имя одного из основателей государства.

— Ну, служил я там... — нехотя проговорил заведомо, — Город Нифонтовск, возле карских берегов...

И что, наш один из основателей и руководителей, курировал там добычу нефти на шельфе?

— Да вряд ли... Там уже нормально все, что могли, добывали. Он, возможно, и пытался все это прибрать к рукам, выдоить то, что можно... Да не так уж там велики залежи. Поэтому в какой-то момент он решил вспомнить старое, юношеские свои увлечения, разговоры с учеными, теми, кто начинал...

— И тогда, наверное, и направили экспедицию на Урал, докопались до лигосодержащей жилы... и... — поддакнул Синицын, — и теперь мы имеем то, что имеем. Свободу решений использовали и положили на полку пылиться. Нынче только:

давай, давай... Набираем мощь.

– И то верно, – поднялся Анпилов, давая понять, что разговор следует прекратить, – коли мощь уже набрали, то – вполне вероятен доступ звуковой информации на контрольный пункт. Еще чуть-чуть... Вы мне тут поразговариваете!

– И что же все-таки получается, – не утомняясь, сдвинул массивную голову набок Гера Фельдштейн, – как только у нас подходят к концу ископаемые или подкачиваемые – мы меняем политический курс?

– Ты слишком долго мок под капелью! Вымок весь, – показал своими газами пуговками на потолок Анпилов.

– Да я, Леник, все там пооткручивал, не бойсь, – почесал в затылке Фельдштейн, – Просто вот раз в жизни поговорить захотелось. А и тема подходящая – политпросвещение.

Сигнал прозвучал на бывшей половине Оби, нынешней территории, захваченной корпами, или, как ее официально именовали – «Дигитальной группы отдела имитации». Все же, пребывавшие на половине Климаши именовалось теперь «Группой аналоговых методов».

Так вот – на половине Климаши сигнала не было точно, иначе кто-нибудь – Пень или Синицын, схватили бы старую черную округлую телефонную трубку с рогатого насеста. Анпилогов официально пребывал в это время возле кроссшкафа и в раздумье разглядывал поток срывающихся кабелей с его уставленных плоскими приборами равномерно распределенных полок.

Леонид Михайлович приподнял брови и нажал кнопку связи. Из персонального корпа донеслось: «Начальника отдела имитации просят в испытательную башню. Начальника отдела имитации...». Если бы трубку сняли на другой половине отдела, кто-нибудь уже непременно примчался сюда. Но всюду была тишина, и предчувствие катастрофы пришлось Анпилову пережить самостоятельно. Он думал одновременно о том, что связь через корпы и телефоны теперь идет по разным каналам, что пробные огневые испытания изделия запланированы на ближайшие месяцы, и за это время можно было бы еще продвинуться в поисках, но сейчас

он очень не хотел никаких расспросов – все штатные схемы огневи́ков для нынешнего изделия КЛ14 вряд ли годились. Предполагалось только, что оно должно значительно превышать по мощности все предыдущие. Впрочем, никто точных характеристик Анпи́логову не сообщал, и он вполне мог прикинуться наивным чайником и подсунуть то, что есть. Чай...кх-ххх, то есть с бу-тер-бродом. Поэтому Лени́к вытащил из сейфа потрепанный дерматиновый портфельчик – вместилище документов с допуском степени Б, и направился в испытательную башню, на ходу обдумывая, каков вероятен состав комиссии, насколько формальны будут пробеги и сколько установят фаз.

В конце концов Анпи́логов уговорил себя, что это только самое начало испытаний, что еще многое можно успеть. Но перед испытательной башней он приостановился и задрал голову.

Башня или надколодец – кирпичный цилиндр – уходила высоко в небо и только одно круглое, подобное глазу ископаемого животного, окон светилось на уровне десятого этажа.

Чем-то это сооружение вызвало в Анпи́лове ощущение почтового архива, но тот был куда ниже и носил желтый глухой цвет. Здесь же чувствовалось внутреннее движение, правда, нетелесное, а металлическое, суставчатое, лязгающее.

Анпи́логов сунул палец в отверстие на плоской тяжелой оцинкованной двери – ручки не было, и потянул дверь на

себя. Преодолев несколько проемов пропыленной бетонной лестницы, он вызвал лифт. Тот через некоторое время опустился к нему, о чем возвестила красная лампочка и тяжелый глухой удар. Дверца раздвинулась, и показалась решетка. Анпилогов проехал за этой решеткой неведь сколько этажей, вышел, захлопнул решетку с неистовым звонким звуком, отдавшимся по всей шахте, и вступил в зал, примыкавший к смотровой площадке.

В зале оказалось довольно много людей. Анпилогов сначала увидел руководителей всех пяти комплексов КБ – конструкторского, испытательного, вычислительного бюджетного и внешнего, но они его мало занимали. Он разглядел возле того самого круглого, вблизи казавшегося огромным, окна длинного плешивого человека с выступающим вперед носом, с вообще каким-то образом выступающим вперед лицом – таков был особый выворот длинной тощей шеи, и в очках, сидящих криво. А рядом с ним – невысокого, довольно плотного парня с курчавой светлой бородкой.

Подобного Анпилогов никак не ожидал.

– А вот и Леонид Михайлович! – вступил начальник испытательного. – Да вы знакомы, наверное. Это – академик Пеструха и ведущий специалист его института Женя...эээ... Евгений Патокин.

Ленику захотелось выкинуть свой фиговый портфельчик в круглое окно, но огнеупорное стекло никогда не открывалось. И что Пеструхе не сиделось на своих международных

симпозиумах или на подземных испытаниях термояда? Что его сюда-то принесло!

— Ну, п-п-пойдемте, п-пп-ойдемте, с-сс-отрудники дорогие, — со своим известным всему миру заиканием на глухих согласных проверещал Пеструха и двинулся к двери в испытательное пространство, расставляя длиннющие руки и приглашая за собой остальных.

Анпилогов туда не хотел вовсе. Он словно врос своими крепкими ногами в сношенных на внешнюю сторону основательных ботинках на толстой подошве в бетонный, крытый огнеупорной мастикой пол и, насупившись, смотрел как начальники потекли к балкону.

Балкон выступал метра на два из стены над пустым, казавшемся бесконечным пространством, и был шириной в три метра. Такая небольшая группка вполне могла на нем уместиться.

Анпилогов все же добрался до балконной двери, но все время стоял, прижавшись спиной к стене, и этого ему было вполне достаточно.

Гигантский колодец, уходящий вниз до уровня земли и еще глубже на немереное пространство и шедший также куда-то вверх, куда и смотреть-то было тошно, был весь заклепан сверхстойкими, но все же оплавленными и проявившими изнемогший до темно-коричневого красный цвет раздвижными металлическими створами.

Бесконечно глубоко внизу видны были укрытые брезен-

том сложные конструкции, едва скрывающие вздыбленные ребра и острые выступы. Между ними сновали люди в обширных защитных костюмах, отбрасывая блики целлулоидом антирадиационных намордников.

Пеструха подбежал к перилам балкона и начал командовать, водя сухой кистью то вверх, то вниз. Тонкие седые волосы, окружающие его лысину, слегка шевелились в нарастающих потоках воздуха, согласные буквы застревали на подходе к языку, и он помогал им то движениями морщинистой шеи, то выталкивал буквы подергиванием носа и неожиданно сильными просторными взмахами головы. Коллега и главный помощник академика Пеструхи Женя Патокин, словно небольшой надежный холм прикрывал его с тыла. Начальники комплексов, сгрудившись у стены, молча ждали.

Глубоко внизу, на дне испытательной башни, с конструкций стянули брезент, и обнажилось зажатое трубопроводами овальное, суженное книзу сердце изделия, укрепленное на телескопической платформе.

– П-п-пятая фа-а-за! – негромко сказал Пеструха – и снизу доверху многие голоса повторили, в отличие от эха, добавляя необходимые уточнения: пятая фаза – идем на местном тепле, пятая фаза – нагрузка от комплекса энергетиков, пятая фаза – подключаемся к дяде Ване – и так далее, до самого дна, откуда пошло тихое жужжание, и изделие начало слегка приподниматься на платформе, постепенно расправляя обрамление, собранное из изогнутых опор.

Изделие шло на местной энергетике до трети высоты испытательной башни. Затем Пеструха обернулся к коллеге, тот спокойно направился к лифту и поманил за собой начальника отдела имитации Леонида Анпилогова – Леника. Когда за ними захлопнулась грохочущая решетка, взвыла сирена.

Женя и Анпилогов вышли на одном из срединных этажей. За бронированными дверьми начинался энергетический обод начального уровня, который соединялся с основным пространством башни теми самыми металлическими за-слонками. Женя Патокин подвел Леонида Анпилогова к пульту и указал на систему выкрашенных блеклой масляной краской трубок и тороидальных емкостей, укрепленных на тяжелой тележке, с которой сочились на бетонный, покрытый изоляционной мастикой пол струи кабелей и текли затем от этого места вправо и влево по окружности башни.

– На той стороне, по диаметру, расположен дубль установки. Сейчас я... или лучше вы – опустите вот этот тумблер, и изделие получит еще... пожрать. Ну, жмите, Леонид Михалыч!

Вид у Жени Патокина при этом был такой, будто он заведомо хочет надуть Анпилогова – так он сжал мелкие крепкие зубы, так расцвел в краснотелой улыбке, открывшейся среди золотых волос бородки и мягких зарослей усов – что Леник вообще не захотел связываться с сотрудником Пеструхи.

– Жмите сами, – повел он плечами, – это же не моя дис-

сертация, в конце концов. Отделу за этот пробный пуск – одни подзатыльники.

– Да, Леонид Михалыч, задача у вас – не из легких. При нашем-то энергетическом кризисе, – Женя изобразил шепот, но очень громкий шепот. – Нефть-то, говорят, повыкачали! Вот вам и твердят: беззатратная технология, постный огонь! Хотел бы я знать... как вы его найдете, этот постный огонь.

– Да крутите свой ветхозаветный тумблер. Люди же в напряжении, – недовольно буркнул Леник.

– Не беспокойтесь, я чувствую контрольное время.

Эксперимент пошел.

На смотровых экранах было видно, как отодвинулись оплавленные заслонки, как вышли из них многочисленные, изогнутые под разными углами сопла огневых устройств, и как начало подниматься к ним уже совершенно самостоятельно, медленно левитируя, раскаленное до красноты изделие, постепенно сбрасывающее хищные лианы трубопроводов. Изделие преодолело четвертую фазу, поддерживаемую ядерной энергетической установкой Патокина, поднялось до второй фазы, которая находилась много выше балкона, и там, после открытия нового ряда обугленных заслонок, и нового выхода леса изогнутых сопел – разогрелось до красноты, приобретающей лиловый оттенок, и разорвало себя на бездну бушующих частей.

Грохот завис в испытательной башне, затем, обрушив-

шись на бетонное ее основание, постепенно замер.

В курилке Анпилогов оказался непосредственно возле академика Пеструхи и, наконец, понял, почему очки сидят на нем как-то косо. Левая дужка очков была насажена на обрубленную и закрученную плоскозубцами скрепку, а стекло в самом углу возле этого места пошло трещинами. Анпилогов вспомнил, что очки с подобной оправой (правда, без скрепки) носил его учитель физики лет двадцать пять назад.

Евгений Патокин спокойно курил, и, сощурившись, наблюдал детское любование осанистого Анпилового очками своего научного шефа.

– Ну, – проговорил, наконец, начальник Испытательного комплекса, – первый этап мы выполнили. Результат предполагался. В основном, все штатно. Необходимо отметить высокую степень отдачи энергетической установки, предложенной коллективом академика Пеструхи и лично...

– Жрет, гадина, много, – сплюнул Женя кусочек табака.

– Дело даже н-н-ннее в этом, – продолжил Пеструха. – Во-первых, подобные испытания крайне н-ннн-ебезопасны для окружающей среды и для нас с в-в-авми...

– А во-вторых, стоят немереных денег, – закончил Женя.

– И насколько немереных? – переспросил Анпилогов.

Женя Патокин замер, отвел сигарету, так, что она исходила дымом в сторону Пеструхи. Тот даже не поморщился и у обоих у них был такой вид, словно происходит нечто крайне важное и трагическое. Но взрыв опытного изделия к этому

отношения не имеет.

– Ну, это дело бухгалтерии, вы, собственно можете справиться, – отрезал начальник Внешнего комплекса. – Вам и следует, обязательно следует справиться, Леонид Михайлович, иначе...

– Пеструха... Мать его... Принесло же... – бормотал Анпилогов, засовывая портфельчик степени Б в свой рабочий сейф.

Майка Городошница, всегда занимавшая стол в эркере, а нынче пересаженная за металло-пластиковое светло серое сооружение, и, если не было работы, сидевшая неподвижно, как сфинкс, уткнув ручку вертикально, кончиком пера в чистый лист бумаги – вдруг вскинулась. Анпилогов и забыл, что при Майке нельзя было произносить этого имени.

– Пеструха ровно ничего не делает спонтальку, Леник. Раз приходил – стало быть, возникла крайность.

– Голоса сообщали, что он сделал доклад в Наднациональной лиге. Назвал «Об особенностях применения корпов в отдельно взятом государстве», – заметил Демура, приподняв один наушник.

– Сотрудник Демура – вы сейчас сорвете отработку модели. Не забывайте, сами знаете – сроки поджимают, а у нас отработана только дюжина вариантов! – «И все – хреновые» – подумал он про себя. – Верните наушник на место!

Анпилову уже давно казалось, что установленные на потолке и в углах противопожарные корпы несут и функцию прослушки, а возможно и используются как телекамеры, только он надеялся пока, что система расшифровки сиг-

налов не отлажана и разбираться с их дурацкими разговорами пока некому. Но со временем...

Майка, видимо, не задумывалась о противопожарных корпах, поэтому упрямо повторила свое извечное:

– Пеструха всегда всем давал займы. И никогда не интересовался – на что. Просто вытаскивал из нагрудного кармана – и совал человеку в ладонь. А потом забывал об этом.

– Майя, эти ваши студенческие воспоминания....

Леник указал глазами на потолок, но Городошница не поняла или не пожелала понять, а гордо подняла коротко стриженную головку с густой шапкой тщательно подкрашенных волос, раздула хитро вырезанные ноздри и вжала перо авторучки в чистый лист.

Комиссия по испытаниям собралась в кабинете Кэтэвана поздним вечером. Леник был сегодня в ночной смене на Климаше, и его вызвали, в конце концов, хотя ему и вовсе не хотелось идти.

Решил, что жучить станут именно его, но оказалось, что он – последняя спица. Обсуждали все аспекты испытаний, планировали персонал, схемы. Дымили не переставая, Кэтэван зажигал новую сигарету от докуренной до предела предыдущей. Насколько понял Леник, в энергетическом плане рассчитывал и на имеющийся запас жидкого топлива, на установку Академии, и только потом – в малой степени на его имитацию. Поэтому Анпилогов осмелел и, как всегда принялся выпрашивать повышения социальных фондов для отдела, намекая, что от его специалистов слишком многое зависит. На это он, опять же, как обычно, получил от конкурирующих отделов ненавистное: «Ты и так, Михалыч, создал для своих тепличные условия». Потом Леник уже собирался авторитетно и туманно сообщить, что работы ведутся и, возможно, к следующему этапу...

Но вдруг коротко гуднул и засветился отдельный корп, стоявший в левом углу кабинета, тот, который привыкли называть красным – там раньше помещалась «вертушка», и по которому запросы шли непосредственно из-за красных ба-

шен. Саму же «вертушку» куда-то убрали. На этот раз корп воззвал очень строго. Кэтэван стремительно подскочил и надел наушники. По мере того как он слушал, лицо его менялось. Сначала оно демонстрировало почтительное внимание, потом внезапно покраснело, и Кэтэван резко вскинул руку со сжатым кулаком, но потом стал медленно опускать руку и разжимать кулак.

Затем, видимо, из корпа пошли очень громкие и грубые звуки.

Все молчали, никто не сдвинулся с места. Начальник комплекса содрал с себя наушники, прошагал к своему столу, взял портфель, сложил в него кое-какие бумаги, тщательно застегнул обе пряжки на портфеле, с трудом всовывая язычки замков в прорези, потом засунул портфель подмышку и быстро пошел прямо в противоположную двери стену.

Анпилогов, Пень и Сеницын торчали на половине Климаши.

Ульяна, Фельдштейн и Демур – на территории корпов. Шкаф осуществлял объединение и трансформацию сигналов.

Листьев медь шумела в Климаше. Она маялась под дождем, медленно облетала, была высушена холодеющим осенним солнцем, потом снова мокла и принималась преть. Преть и пряно пахнуть.

Пень виртуозно создавал новую модель, вставляя штекеры все в новые и новые гнезда, плетя паутину разноцветных концов и цедя сквозь зубы: «Мы ее... мы ее...», а Анпилогов, жирно и равномерно покрывал формулами лист за листом. У него очень хорошо шло. Чернила мягко шли из авторучки, а шершавая бумага ровно впитывала альфы, беты, укороченное «де» дифференциала. Анпилогов заканчивал и тут же передавал бумагу Сеницыну, и тот мгновенно рисовал сложную систему стрелок, перекрещивающихся дуг, каких-то валов, змеящихся обрывов и точек. Пень понимающе кивал и снова ткал свою паутину. На черных, шершавых, съевшейся в текстолитовые бока пылью осциллографах торжественно плавали зеленые петли и седла, перетекали друг в друга синусоиды и медленно разворачивались фигуры Лис-

сажу.

Анпилогов время от времени брал черную трубку и звонил ребятам на корпах:

– Есть сигнал?

– Отличный сигнал! – отвечал Демура.

Шкаф работал нас совесть – он делил роскошные плавные кривые процессов, несущиеся с Климаши, и превращал их в ступенчатые подъемы и спуски, то есть принимал сигнал и совершал аналогово-дискретное преобразование, перемалывая огненные порывы Климаши в примерно соответствующие им ровные наборы нулей и единиц – подъемов и спусков.

Они прошли за прошлую неделю всю начальную стадию эксперимента и сейчас вгрызались в самый центр процессного котла огненной машины. Уже начинала гудеть медь листов, уже шел по ней густой шелест, и вот поток начал былолиться на черную рыхлую землю.

– Нет сигнала!!! – вдруг закричал Демура в микрофон, – Нет сигнала!!!

– Анпилогов мысленно видел, как он срывает наушники, бежит к шкафу, проверяет гнезда, прозванивает тестером все сервисные ящики на синих полках. – Нет сигнала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.